

Андрей МАРТЪЯНОВ
НАСЛЕДНИК

Наследник

Андрей Мартьянов

Наследник

«Лениздат»

2009

Мартьянов А.

Наследник / А. Мартьянов — «Лениздат», 2009 — (Наследник)

Ты всего лишь обычный человек? Твоя жизнь тиха, размеренна и предсказуема? Твой мир заключен в треугольнике дом-работа-тусовка? Что ж, взгляд на привычное мироустройство придется немедленно и резко пересмотреть благодаря удивительному наследию, полученному от дальней родственницы, жившей одновременно в XX и IX веках и владевшей секретом удивительных дорог, связывающих эпохи древности и день настоящий. Новый роман А. Мартьянова – классический образец «городской фантастики», где читатель встретится со своими современниками, знаменитыми историческими персонажами, загадочными и опасными существами и осознает важнейшую истину: прошлое куда ближе, чем всем нам кажется. Получи свое наследство!

© Мартьянов А., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Мартьянов

Наследник

Благодарности от автора:

- Сергею Казакову (СПб) за идею и главного героя;
- Илье Щербакову (СПб—Пенза) за техническую и моральную поддержку;
- Владимиру Жукову (Москва) за обеспечение средством производства;
- Елене Хаецкой (СПб) за своевременные советы;
- И конечно же Славику Антонову, токаря и разгильдяю, без которого эта история никогда не появилась бы на свет.

Все совпадения с реальными лицами, событиями и географическими точками следует считать злыми и преднамеренными.

Глава первая

Наследники из Калькутты

– ...Собственно, вот, – Славик распахнул дверь и эпическим жестом указал на светлый проем. – Нравится?

– Нравится, – кивнула высокая модная девица и полезла в сумочку за сигаретами. Извлекла пачку тоненьких «Vogue», четырежды щелкнула дамской зажигалкой, прежде чем удалось прикурить. – И дальше что?

– Понятия не имею. Особенно после всего случившегося...

– У тебя пиво есть? – Девица осторожно затворила дверь и повернула ключ замка. Быстро сунула ключ в ладонь Славику. Машинально вытерла пальцы о светло-бежевые брюки, словно испачкалась.

– Пошли на кухню. Я вчера черное «Очаково» покупал, еще две бутылки должно остаться... Эй, Алён, ты чего?

– Так не бывает, – твердо сказала Алёна. Повторила по слогам: – Не бы-ва-ет, понимаешь?

– Я суслика тоже не вижу, а он есть, – неудачно сострил Славик и мигом перехватил слегка ошалелый взгляд подруги. – Не бери в голову. Давай пиво пить. Заодно расскажу откуда взялся... Ну... Этот.

Славик покосился в сторону маленькой комнаты, куда, говоря откровенно, временами и сам побаивался заходить. Оттуда доносился приглушенный храп, словно мелкие камушки перекатывались.

– Не проснется? – полушепотом спросила Алёна.

– Пока не должен. Второй день держу на транквилизаторах...

* * *

Если вам скажут, будто нет в жизни счастья – не верьте. Есть. Разве что в большинстве случаев улыбается фортуна не приветливо и доброжелательно, а ехидно, не без издевки и с откровенной насмешкой над объектом своего внимания.

Нельзя сказать, что Славик был «неудачником» в прямом смысле данного слова, вовсе наоборот: он искренне полагал себя вполне состоявшимся человеком. Нет своей квартиры? И что? Смысл жизни – не в квартирах, да и комнату он снял вполне удачно: во-первых, дешево, во-вторых, у хорошего человека. Бабуля Валентина Васильевна с апреля по октябрь жила на даче в Ропше, и на целых полгода Славик становился полновластным хозяином панельной «двушки» на Ленской – пускай Ржевка район не самый престижный, но ведь до метро десять минут на трамвае? Поливай цветы, вовремя плати по коммунальным счетам, поддерживай порядок в доме, а в остальном – вольному воля. Хозяйка совершенно не возражала против появления в квартире славиковых девиц, разрешила провести интернет-кабель и за дополнительные три тысячи в месяц варила постояльцу обеды – отравы из «Макдональдса» на Ладужской не идет ни в какое сравнение с домашним борщом.

Машина? А фига она нужна при таких пробках в городе? Четыре года назад Славик купил скутер, который держал в гараже соседей по лестничной клетке, и горя не знал. Престижная работа? В офисе штаны протирать? Премного благодарны, но отказать – обычайший токарь сейчас получает куда побольше иных менеджеров.

Справедливости ради надо упомянуть, что образование у Славика было медицинское. Нет, он не был доктором – среднее медицинское. То есть до 2003 года занимаемая Славиком должность именовалась «операционная медсестра», что вызывало понятную иронию со стороны ближних и дальних знакомых. Кем работаешь? Медсестрой. Дурачки звучит, верно? Токарь – куда лучше, тем более что Славик всегда умел и любил работать руками, что по нынешним временам редкость.

Короче говоря, Славик был непритязателен и не амбициозен. В неполные двадцать восемь лет он так и не обзавелся костюмом (про галстуки и речи нет!), таскал потрепанные кожаные штаны, косуху и бандан, отрастил светлую соломенную бородку, длинный хайр увязал в косичку, тусовался по рок-клубам (увлечение перестроечной юности не избылось и в двадцать первом веке) и был если не счастлив, то уж точно вполне удовлетворен текущим положением дел.

Гром грянул в середине октября 2008 года. Да так, что оглохнуть можно было. От эйфории и необдуманных поступков Славика спас только философский склад характера и категорическое нежелание «встревать» – к «неприятностям» он относился отрицательно и всегда переживал из-за непредвиденных приключений, заканчивавшихся громкими разборками, милицией или мордобоем. По счастью, с возрастом поводов для грустных забот становилось все меньше. Не восемнадцать лет уже.

...В выходные пришлось помогать Валентине Васильевне с переездом из садоводства домой, в город – искать друзей с машиной, забирать квартирную хозяйку и едва не три центнера варений-солений плюс мешки с картошкой с дачи (бабуля доселе заблуждалась, полагая, что двенадцать соток способны обеспечить ее самыми необходимыми продуктами на всю зиму), а затем перетаскивать провиант из багажника и с заднего сиденья на седьмой этаж при традиционно не работающем лифте. Удовольствия мало, но ничего не поделаешь. Надо.

Кроме того, Славик был обеспокоен: в пятницу пришло извещение с почты – извольте получить заказное письмо на имя Антонова В. М. Сбегал после работы, забрал, вскрыл незамедлительно – он испытывал прямо-таки физическое отвращение к любой бюрократической официальнойщине, поход в жилконтору или, боже упаси, в мировой суд (было дело – въехал на скутере в задний бампер «девятки») являлись сущим мучением. А письмецо оказалось от нотариальной конторы Адмиралтейского района – да в чем дело-то? Что нужно от меня государственному нотариусу?

Выяснить это незамедлительно не получилось: эпистола содержала сухое приглашение на беседу к некоему Новикову В. Г., кабинет 24, с десяти до восемнадцати. Паспорт с собой. Славик попытался вспомнить, что же такого-эдакого он мог натворить, однако ничего толко-

вого в голову не приходило – особых безобразий в последнее время не учинял, да и вызвали бы тогда в милицию или, допустим, в...

А, да чего тут думать! Схожу! Меня ведь там не зарежут? И не съедят? Сообщений о нотариусах-людоедах в «Московском комсомольце» пока не проскакивало.

Вечером в понедельник Славик вышел из конторы с глуповато-ошеломленной улыбкой на лице и пешочком направился к Сенной площади. Попутно заглянул в «Толстого фраера», уселся за самый дальний столик и за кружкой темного «Василеостровского» принялся тщательно изучать тонкую папку с документами, полученную от упомянутого Новикова В. Г.

– Охренеть, – громко сказал Славик самому себе. – Не верю!

Домой на Ленскую он вернулся поздно, изрядно поддатым. Валентина Васильевна уже спала – постоялец мог припереться и в три часа ночи, дело молодое. Обнаружил на кухне накрытые тарелкой холодные голубцы, съел без хлеба, потом сразу рухнул на диван. И только на следующий день осознал, что жизнь круто переменялась.

Беготня по инстанциям продолжалась три с лишним недели. Славик пересилил стойкую ненависть к любому, самому невинному государственному крючкотворству и, отпрашиваясь с работы, честно стоял в бесконечных очередях, получал справки, заполнял формы и стойко продирался сквозь густые дебри отечественной бюрократии, отчего невзлюбил такую еще больше. Впрочем, дело того стоило, почти месяц мучений и недовольные взгляды толстых конторских теток на «этого гопника» скоро забудутся, а результат – вот он! В наилучшем виде!

– Ты теперь жених, – постановила Валентина Васильевна, живо интересовавшаяся ежедневными сводками с полей канцелярских сражений и являвшаяся консультантом Славику в области общения с чиновниками. – Не понимаю, почему ты разругался с Олей, она мне нравилась...

– Я не чувствую себя способным брать ответственность за семью и детей, – с подчеркнутым пафосом сообщил Славик в ответ. Прозрачные намеки квартирной хозяйки, яро желавшей упорядочить личную жизнь постояльца, были делом обыденным, словно июльская гроза или отключение горячей воды летом. – Я ж разгильдяй, вы сами постоянно говорите!

– Взрослеть надо, – отрубила Валентина Васильевна. – Через два года тридцать исполнится!

– Через два с половиной, – уточнил Славик. – И я дорожу свободой. Кстати, я ведь съеду в следующем месяце...

– Хоть навещать будешь? Шесть лет прожили под одной крышей, – женщина немедленно расстроилась.

– Вы Сережу с моей работы помните? Он как раз комнату ищет. И опять же человек не чужой...

Эпопея закончилась восемнадцатого ноября – приодевшийся в новые джинсы и светлую курточку Славик, смахивающая на оживший комод могучая жилконторская мадам, пожилой капитан-участковый и обязательный Новиков В. Г. проществовали под арку во двор и взошли на второй этаж дома номер 56 по набережной реки Мойки.

– На третьем этаже жил знаменитый танцор Михаил Барышников, – поджав губы, сообщила тетя-комод. Словно намекала, какие звезды обитали в подведомственном ей доме. Славик жилконторской явно не глянулся, несмотря на чистые волосы и стеснительные манеры. Он не дурачился – Славику действительно было не по себе. Некая смесь боязни того, что сказка сейчас внезапно закончится, и подсознательных опасений по отношению к «начальству» – участковый, это, несомненно, начальство! Да и посматривает капитан скептически – чувствует неформала, глаз наметанный.

– Полная опись имущества, – Новиков В. Г. извлек из кейса очередную папочку, на этот раз пухлую. – Ключи, пожалуйста. Ключ-карту от ячейки в отделении «Альфа-банка» сможете получить завтра, у меня в офисе. Что же вы стоите, Вячеслав Михайлович? Открывайте.

– Но дверь опечатана, – заикнулся Славик.

– Не беда. – Участковый мгновенным движением сорвал бумажки с косяка тяжелой металлической двери с глазком и пластиковой декоративной отделкой. – Отпирай. Потом будем сверяться с описью, а это часа на два...

В половине девятого вечера официальные лица отбыли, а Славик остался один на один со своей законной, частной и неприкосновенной собственностью.

Двухкомнатной квартирой на углу Мойки и Гороховой площадью семьдесят четыре квадратных метра. Приватизированной в соответствии со всеми правилами, и до окончания оформления документов на наследство терпеливо ожидавшей нового владельца. Квартирой в самом центре города, и по нынешним временам стоящей безумных денег.

Нет, не так: БЕЗУМНЫХ!

– Живем, – только и сказал Славик, заново оглядевшись. – Мать ети, да что же это такое?..

Он аккуратно погасил везде свет, некоторое время повозился со сложными замками на двери и поехал домой, на Ленскую. По дороге купил пельменей и пива – Валентина Васильевна уехала на три дня в гости к дочери, готовить некому.

* * *

– Ячейка четыреста тринадцать, услуги оплачены на год вперед, – подтвердил менеджер банка. Выглядел он профессионально-доброжелательно, будто радовался Славику, как родному брату, потерявшему много лет назад и неожиданно вернувшемуся в родную семью. Он и бровью не повел, увидев бородатого типа с косухе с заклепками и грязными руками – Славик забежал в банк напрямик с работы, благо рядом: цех на Сызранской. – Будьте добры, введите свою часть кода.

Менеджер уступил свое место перед ноутбуком и отошел в сторону, демонстративно отвернувшись.

– А, счас... – Пришлось забираться в карман куртки за бумажкой. – Так, три-семь...

– Не вслух, пожалуйста, – оборвал Славика менеджер.

– Извините...

Двадцать минут спустя клиента оставили в пустой комнатке, где находились только стол на тонких металлических ножках и единственный стул. На столе громоздилась тяжеленная металлическая коробка, которую приволокли сюда двое служащих.

Сразу под крышкой лежали отпечатанные на лазерном принтере и упакованные в файл совершенно непонятные документы. Несколько рядов цифр и латинских букв, затем какой-то график – в первом столбце названия крупных российских и европейских городов, в следующих даты, время по часовым поясам. Муть.

Что дальше?

Четыре большие шкатулки – самых обычных, «под Палех». Такие можно купить в любом сувенирном магазине или перед Спасом-на-Крови, где лохам-иностранцам впаривают ушанки, матрешек и прочую «чисто русскую» экзотику. Взглянем на первую.

– Гос-споди. – У Славика мигом выступил на лбу холодный пот.

Нынешнему владельцу ячейки стало нехорошо. «Ты вляпался!» – это была первая мысль. «Во что? – возразил другой голос, возникший в голове. – Новиков сказал, будто все законно, комар носа не подточит! Оспаривать наследство некому!»

Шкатулка была набита завернутыми в пергаментную бумагу «колбасками» – монеты. Много. Но не царские империялы (Славик видел такие и даже когда-то держал в руках), а совершенно непонятные. Некоторые явно арабские – очень характерная вязь. На других – лупоглазые изображения неизвестных мужиков в тогах и со скипетрами. Шрифт не латинский, скорее всего греческий.

Монеты золотые, это даже debil поймет. Очень тяжелые.

Отложил по две каждой разновидности. Взялся за вторую шкатулку. На крышке – пушкинский Руслан, ведущий задухновенную беседу с гигантской говорящей головой в шлеме-пишаке.

Еще не легче. Пачки стодолларовых банкнот, ровно двадцать штук. Купюры «новые», то есть с голографическими примочками и увеличенным изображением президента Франклина. Походу, двести тысяч долларов. Чума!

«Не трогай, – услужливо подсказал первый голос. – Если окажется, что это какая-то ошибка, ты труп. Понял? Труп».

«„Бандитского Петербурга“ насмотрелся? – отозвался второй. – Но осторожность не повредит. Возьми сотню-другую, случится что непредвиденное, всегда можно вернуть – двести баксов не такие уж и гигантские деньги...»

Славик аккуратно извлек две банкноты, сунул в задний карман джинсов. Передумал – свернул вчетверо и запихнул в полупустую сигаретную пачку.

«Параноик», – хором сказали оба голоса, и Славик с ними полностью согласился. Зачем спорить с очевидным?

В третьей шкатулке оказалась фирменная коробка, вмещавшая абсолютно новый сотовый телефон, точнее коммуникатор iPhone 3G – не такая уж редкость, но вещь дорогая. Можно сказать – статусная. Пусть пока полежит, есть не просит.

Четвертая, украшенная славянскими девами, тусующимися на берегу озерца с лебедями, окончательно повергла Славика в глубокое недоумение. На металлическом кольце висели непонятные маленькие фигурки, кажется амулеты. Вот вроде бы лошадка почему-то с восемью ногами, голова совы, скандинавский молот – такой реконструкторы из «раннятников» обычно на шее таскают. Серебряный волк, коловорот, похожий на нацистскую свастику, только лучи в другую сторону направлены, еще один – на этот раз не с четырьмя, а с девятью скругленными лучиками. Козел с выгнутыми рогами. Два полушария... Пойдите, это же стилизованные женские груди, вон сосцы отлично видны.

Вещицы сделаны из серебра, несколько железных. Выглядят новенькими, не антиквариат.

Славик нажал кнопку звонка и закрыл банковский ящик, щелкнул замочек. Давешний вежливый менеджер появился через минуту.

– Вы закончили?

– Да... Забирайте. Хранение точно оплачено на год вперед?

– Срок заканчивается в июле две тысячи девятого года. Желаете продлить договор?

– Пока нет. И вот еще. У вас обмен валюты работает?

– Крупная сумма? – уточнил менеджер.

Славик с трудом подавил искушение.

– Не-не, всего две сотни долларов.

– Конечно, в операционном зале, окно шесть.

– Спасибо.

Вынимать деньги из пачки с сигаретами у всех на виду было неприлично, поэтому операция по извлечению стодолларовиков на свет проходила под прикрытием воротника косухи.

Доллары оказались настоящими. Девочка в обменнике отсчитала ровно пять тысяч сто тридцать два рубля. Славик видел, как она пропустила банкноты через детектор. Значит, не фальшивка...

Двести тысяч долларов?.. Двести тысяч? А золото? Около Сенной есть магазин «Нумизмат», успею зайти!

В «Нумизмате» скучал пожилой дяденька еврейского вида – густые брови и пронзительно-внимательный взгляд. Славик опять не понравился, на лице дяденьки отчетливо про-

читалось: клиент несерьезный. Но когда Славик выложил «арабскую» и «греческую» монеты на стекло витрины, под которой красовались иностранные денежки в пластиковых коробочках, мигом сменил скуку на живой интерес.

– Изумительные подделки, – покачал головой нумизматический еврей. На его бейдже значилось «Кантор Григорий Эммануилович, продавец-консультант». Сдвинул на лоб очки, вновь наклонился над большой настольной линзой. – Солид базилевса Михаила Третьего, Византия, середина девятого века... Минутку, я найду каталог... Вот, посмотрите, это довольно известная монета. По поводу второй ничего точно сказать не могу, скорее всего динарий Саладина, султана Египетского, двенадцатый век. Разумеется, у вас не оригиналы, а позднейшие копии. Недавние. Года два-три.

– Почему? – осведомился Славик, вообще ничего не понимавший в нумизматике.

– Идеальная сохранность, как вчера из-под пресса. Отсутствие царапин.

– А металл?

– Золото. Очень высокой пробы. Вы продаете? Могу принять по биржевой стоимости золота, сейчас посмотрим. – Кантор пробежался по клавишам компьютера. – Сами понимаете, юноша, мировой финансовый кризис, цены меняются чуть не ежедневно. Если не хотите, посоветовал бы обратиться к профессиональному стоматологу, он даст чуть больше. Вот, возьмите визитку – обычно я советую...

Что именно хотел посоветовать старикан Славик не услышал. Просто сгреб монеты в кулак и потопал к выходу под ленивым взглядом охранника магазина. Спустился по переходу в вестибюль «Садовой», купил жетончик метро – после неприятной аварии с «девяткой» скутером он пользовался редко, а проездную карточку оформлять не хотелось. В нагрудном кармане лежали пять с лишним тысяч, обменные на странные доллары, и четыре золотых монеты, которыми интересуются знакомые стоматологи господина Кантора.

В довесок – квартира и железный ящик в «Альфа-банке».

Дождавшись поезда на платформе, Славик вдруг понял, что ехать обратно на Ржевку вовсе не обязательно. Валентина Васильевна вернется только завтра к вечеру, так почему бы...

Почему бы не обновить наследство?

Он вышел на «Достоевской», поднялся по эскалатору и уверенно пошел к Пяти Углам, оттуда повернул на Фонтанку и через десять минут оказался на Гороховой.

– Будем привыкать к новым магазинам, – сказал Славик, увидев полуподвал, над которым мерцала неонем архаично-советская надпись «Гастроном». Прямо впереди по улице освещенное прожекторами Адмиралтейство жалило золотой иглой вечернее осеннее небо.

«Ольге позвонить, что ли? – подумал Славик. – А ну на хрен, дура она... Или Сереге? Он вроде сегодня свободен?»

– ...Але? Привет? Ты сейчас где? На Гостинке? Короче, давай подваливай, тут рядом...

Выдав нужные координаты, Славик спустился в «Гастроном». Раньше он редко роскошествовал, а тут набрал на все халявные пять тысяч хорошей рыбы, оливок, корейских салатов, колбасных нарезок... Хорошая водка опять же. Литр на двоих, чтоб потом не бегать. Три коробки сока – это запивать и на утро. Почему бы и не попировать? Иногда можно, а то от пельменей скоро тошнить начнет.

Да, пиво обязательно. Пригодится.

Серега подошел через двадцать минут, ошибиться он не мог – раньше на Гороховой в этом месте находился чудесный бар «Висла», тут не перепутаешь.

Вышли на Мойку, свернули налево во двор. Вторая парадная. Код простейший, 1324 – первые четыре цифры, только не подряд, а в «шахматном» порядке.

Славик включил свет в обширной прихожей и, подбадривая себя, отправился на кухню, не снимая армейских ботинок. Наследил на паркете, конечно. Включил холодильник – он так

и стоял со смерти прежней хозяйки, начисто вымытый, с приоткрытой дверцей. Рассовал продукты в морозилку и нижнее отделение.

Холодильник уверенно заурчал. В доме появилась жизнь.

– Значит, это и есть твое наследство? – Бывший в курсе недавних заморочек Славика Серега остановился на пороге ярко освещенной оранжевым абажуром кухни, больше напоминавшей немаленькую комнату. Потрясенно присвистнул. – А тут уютно, кстати.

– Чего застыл, хлеб нарежь. Вон ножи на стойке!

Они напились. Завтра была суббота.

* * *

Дом принял нового обитателя благосклонно – хотя бы потому, что забывший купить необходимые чай и сахар Славик поутру нашел на одной из полок в кухне жестяную банку с настоящим индийским, а в ящике буфета нераспечатанную коробочку рафинада.

Чайник со свистком стоял возле газовой плиты, как и на протяжении последних лет. Осталось открыть кран, налить в него воду и поставить греться. И вновь в старой квартире на Мойке сверкнула очередная искорка жизни. Чайник такая же составляющая настоящего, обжитого дома, как, допустим, кошка или заполненная окурками пепельница.

Дом ожил, да. И Славик это видел так же отчетливо, как и лучик тусклого ноябрьского солнца, пробившийся во двор дома на Мойке и улегшийся на его синий свитер.

А что с деньгами, кстати? Ну вот, как всегда. Из выданных в обменнике «Альфа-банка» осталось двести рублей с копейками. И пиво в холодильнике. Апельсиновый сок. Блок сигарет. Хавки порядочно.

Живем! Живем, парни!

* * *

Серега был не только хорошим другом и отличным собутыльником, но еще и человеком понимающим. Он первым сказал Славику тем похмельным утром – уже после чая, сока и пива в указанной очередности, – «Славка, чего-то тут не так».

А что не так-то? Вся эта история выглядит довольно странно – кто бы спорил! – однако квартира самая обычная, никаких пугающих явлений в стиле Стивена Кинга или булгаковской мистики. Ничего выходящего за грань разумного, даже проклятуший ящик в «Альфа-банке», по здравому размышлению, тоже не ахти какое чудо – его прежний владелец (точнее – владельца) вполне мог удачно играть на бирже или, к примеру, в свою очередь получить наследство от богатого иностранного родственника – покопавшись в секретере, Славик нашел перевязанную ленточкой пачку писем и открыток на немецком языке, все они приходили на этот адрес в конце восьмидесятых и в девяностых годах...

Короче, надо разобраться, а для вдумчивого изучения наследства требуется время. Уходить с работы Славик не думал – во-первых, остерегался тратить деньги из банковской ячейки, а во-вторых, не собирался нарушать привычный образ жизни. Выход был найден вполне рациональный: взять отпуск на три недели. За это время можно перетащить вещи от Валентины Васильевны и начать обживать новый дом.

Так Славик и поступил. Директор, конечно, выразил недовольство, рабочих рук не хватало, фирма как раз взялась за новый объект, однако Славик напомнил, что вкалывал он целое лето – в конце концов, сейчас ноябрь месяц, не сезон! Отпуск все-таки дали.

Итак, кто же она была, эта Людмила Владимировна Кейлин, решившая отписать свое достояние человеку, которого видела два или три раза в жизни, во времена славикова детства? И кстати, «Кейлин» фамилия немецкая, еврейская или прибалтийская?

В том, что бывшая владелица квартиры на Мойке являлась женщиной оригинальной, Славик убедился очень быстро, еще когда нотариус, участковый и гигантская мадам из жилконторы сверялись с тщательно и скрупулезно составленной описью имущества. В квартире вполне гармонично соседствовали старинная (Славик был уверен – дореволюционная) мебель, бронзовые канделябры в большой комнате, старые фотографии в рамках и новейшая, очень дорогая техника. Ну скажите, зачем восьмидесятидевятилетней старухе трехъядерный монстр с LCD-монитором и принтером? А ноутбук на кухне? Как его там оставили, так и лежит доселе на широченном подоконнике!

В общем, бабуля жила с удобствами – микроволновка работает, в каждой из комнат по телевизору, DVD-плеер, обширный набор дисков, в основном классика, от фильмов с Марлен Дитрих до «Покровских ворот». На пианино фотография Аркадия Райкина с подписью «На память дорогой Людочке, А.Р., 1959 г.» – ничего себе! Стиральная машина BOSCH в ванной. Книг мало: художественные альбомы, несколько разрозненных томов издания «Брокгауза и Эфрона», «Жизнь замечательных людей» и прочее в таком же духе. Славик отправил в книжный шкаф свою подборку фантастики в цветастых обложках и сразу подумал, что эти издания смотрятся тут не слишком уместно...

На второй день после вселения Славик обнаружил в почтовом ящике конверт со счетом от компании «Твой Интернет» – напоминали, что не оплачены услуги за октябрь и ноябрь. Ага, значит, бабушка и кабель в квартиру провела. Тариф, однако, безлимитный. Интере-есно!

Новый дом по сравнению с панельной девятиэтажкой на Ленской был просторным – из обширной прихожей налево вела дверь в большую комнату с компьютером, пианино и круглым обеденным столом, если пройти по коридору вперед, то направо будет кухня с окном на Гороховую, напротив кухни – спальня. Диван современный, откидной, а шкафы и секретер старинные; открыв один из шкафов, Славик почувствовал легкий, едва ощутимый запах нафталина, миглом пробудивший детские воспоминания: от вещей бабушки пахло так же. Что внутри? Почти ничего – мадам Кейлин или раздавала свои платья и костюмы, или просто выбросила, когда поняла, что домой уже не вернется... Осталась только каракулевая шубка в матерчатом чехле и меховая накидка, кажется норковая. Архаика, теперь такое никто не носит.

Кстати, о запахах! Славик внезапно сообразил, что своего собственного, неповторимого запаха в доме нет, и это выглядит необычно. Жилища большинства пожилых людей или пропитаны корвалоловой вонью или пахнут, как у Валентины Васильевны, домашней едой и дачными соленьями. Здесь же абсолютная стерильность, квартиру словно отдраили начисто перед тем, как вручить следующему владельцу. Как Славик не искал, а коробочки с таблетками и флакончиками – обязательной принадлежности любого пожилого человека! – не обнаружил. Зато отыскался раритет: старый тонометр с ртутной шкалой. Можно сказать, такой же антиквариат, как и обитые малиновым с золотом кресла в гостиной...

И вообще квартира была выдержана в красных тонах: обои, мебель, кухонный уголок. Глаз, однако, не режет, тона спокойные.

Первые дни Славик чувствовал себя здесь чужим, невзирая даже на новый штамп о прописке в паспорте. Ночевал на кухне, одна только мысль перебраться в слегка мрачноватую спальню и устроиться на диване бывшей хозяйки, вызывала неприятное чувство.

Людмилу Владимировну он помнил очень смутно. В восьмидесятых это была весьма элегантная пожилая дама, всегда ходившая в брючках и импортных курточках (дефицит по тем временам!), запомнились сигареты в костяном мундштуке, тихий голос с хрипотцой и подавленная на день рождения музыкальная открытка. Больше отдаленная родственница интереса к маленькому Славику не проявляла – у нее была своя жизнь, никак не пересекавшаяся с бытием славиковой семьи.

«Надо ехать к родителям и выяснять, что к чему, – решил Славик. – Тем более, я у них не появлялся больше месяца... И в больницу где она умерла, заглянуть, расспросить персонал. Прав был Серега, что-то здесь нечисто!»

Три дня спустя Славик начал ощущать себя эдаким Шерлоком Холмсом, взявшимся за крайне запутанное дело. Для полноты ощущений вечером поставил в плеер диск с «Собакой Баскервилей» – сам того не замечая, Славик проводил все больше времени не на кухне, а в гостиной, начал привыкать к дому. Пока шел фильм, вынул из принтера листок бумаги, устроился за столом и вкратце записал не без труда собранные сведения.

Вывод оказался предсказуем: мадам Кейлин была ой как не проста. И это при том, что Славику не удалось узнать главного: чем занималась эта женщина?

Среди старых писем и открыток в секретере обнаружилась трудовая книжка. Славик глаз своим не поверил: за неполные девяносто лет жизни Людмила Владимировна работала всего четыре года – помощником режиссера в Театре комедии на Невском, там, где Елисеевский магазин, с 1947-го по 1951-й. Прочие страницы трудовой оказались девственно чисты. Это подтверждало версию, намеренно озвученную мамой Славика, – «бездельница». Родители были людьми советской закалки – отец бывший военный, уволился с Балтфлота в звании капитана второго ранга, мать сорок лет отработала воспитательницей в детском саду – к трудовому стажу они относились по старорежимному трепетно и отзывались о странной тетушке неодобрительно. Мама высказалась откровенно: единственным полезным делом в ее жизни оказалась неслыханная щедрость по отношению к Славику. И то после смерти.

«Людочка» выходила замуж семь или восемь раз, ее последним супругом оказался брат славикова деда по матери, тоже военный и тоже флотский – аж целый контр-адмирал. Умер он в 1988 году. Весьма сомнительное родство, прямо скажем. Детьми за свою долгую жизнь Кейлин не обзавелась. Обладала обширными связями в театрално-богемной среде, упомянутый жилконторской толстухой балерун Миша Барышников запросто бегал к соседке за солью. Собственно это было все, о чем поведали родители. С двоюродным дедом и его супругой они общались только на престольные советские праздники, когда семья собиралась вместе...

«Тусовщица, – перевел на понятный для себя язык Славик. – Олдовая тусовщица советского образца. Вот откуда портрет Райкина. Жила за счет бесконечных мужей, не работала, большую часть времени обитала на даче в Репино – кстати, а кому она отписала дачу? Новиков ничего о ней не упоминал! В целом диагноз ясен – Ксюша Собчак своей эпохи».

Да, дело обстояло очень непросто. Во-первых, как говорили при клятом тоталитаризме, социальное происхождение – заинтересовавшийся расследованием Славик проявил неслыханную настойчивость, отправился в архив и слегка обалдел, узнав, что «Людочка» была дочерью личного адвоката помещика, владевшего конезаводами и землей в Аскания-Нова, некоего Владимира Кейлина. Теперь хоть ясно, откуда антиквариат.

Во-вторых, Людмила Владимировна всю Блокаду провела в Ленинграде, в этой самой квартире. В альбоме среди множества фотографий этой, несомненно очень красивой в молодости, женщины отыскалась карточка, датированная ноябрем 1943 года, со штампом фотостудии номер 17, набережная канала Грибоедова. Кокетливый беретик с брошью, темное платье с отложным воротничком и тесьмой, крошечная сумочка, вышитая бисером. Никакого трагического блокадного отсвета в глазах – внимательный Славик не раз замечал такой у родственников или родителей друзей, переживших войну в городе. У них у всех одинаковый взгляд. У этой наоборот – хитрая искорка, милая улыбка. Будто ничего и не происходит...

Очень, очень подозрительно. Что она делала во время войны? Как выжила?

В-третьих. Тусовочная старушка подготовилась к грядущей смерти с тщательностью, наводящей на серьезные размышления. Имущество полностью описано, вплоть до последней книжки и нераспечатанных наборов постельного белья в спальней: почему она, перед тем как

отправиться в больницу, купила новые простыни-наволочки? Откуда такая неслыханная забота о наследнике? Про идеально оформленное на имя Славика завещание и говорить нечего.

В сентябре нынешнего года мадам Кейлин легла на плановую операцию в Мариинскую больницу, но перед тем в присутствии нотариуса квартиру опечатали. Она что, была уверена в неминуемой смерти? Конечно, возраст есть возраст, да и диагноз, как выяснил Славик, не самый лучший – рак легкого. Как она уломала врачей сделать ей операцию? Получив немалый опыт в бытность «операционной медсестрой» ВМА, Славик отлично знал, что далеко не каждый хирург решится оперировать человека, которому скоро исполнится девяносто!

Целый вечер Славик провел в Мариинской – профессионалу ничего не стоило разговаривать медсестер на пульмонологии: задача не особо сложная, достаточно стратегического запаса конфет и шоколадок в рюкзаке. Отлично знакомого со спецтерминами и, когда надо, умевшего быть обаятельным Славика мигом приняли за своего, даже нашлись общие знакомые в Военно-медицинской и на «скорой помощи».

Кейлин? Да, очень милая бабуля, жаль, что умерла. Причина смерти? Послеоперационная пневмония. До последнего дня оставалась в сознании. Посетители? Дважды приходил какой-то иностранец, всегда с цветами, больше никого. На каком языке говорили? Без понятия. Иногда совала в карман сестры или санитарки по сто или пятьсот рублей, видно, что женщина обеспеченная. Умерла 12 октября 2008-го, рано утром, за час до пересменки.

Спасибо, держи шоколадку.

Продолжив копать в этом направлении, Славик добрался до крематория на Шафировском. О погребении Людмила Владимировна тоже позаботилась – все было оплачено заранее. На кремации присутствовал только один человек, пожилой, очень хорошо одетый, по-русски говорил с резким акцентом. Урну с прахом забрал с собой.

Вот, теперь и на могилу благодетельницы не сходишь. Загадок все прибавляется.

Ну и наконец Славик решил проверить, что же хранится на жестких дисках компьютера и обитавшего на кухне ноутбука. С последним никаких затруднений не возникло – новенький «Асер» мигом загрузился. Картинка рабочего стола не произвела никакого впечатления: персидская кошка в корзинке. Что в списке открывавшихся документов? Оригинально до крайности: пять фильмов, среди которых (вот ну ничего себе!) «Snatch!» в переводе Дмитрия Пучкова-Гоблина и музыкальные файлы – всякое старье, танго-фокстроты. Ничего больше. Папка «Мои документы» пуста, больше полусотни самых разных киношек и музыки на полные сорок гигабайт валяется на локальном диске...

Выходит, ноутбук Людмила Владимировна использовала только в качестве развлечения – почему бы не посмотреть фильм за ужином или чашечкой чая? Прогрессивная старушенция, ничего не скажешь! По нынешним временам такие встречаются редко, одна на миллион. Клара Цаханассян, словом – попомнишь тут классиков...

А вот со стационарной машиной в большой комнате возникли затруднения. Система требовала пароль. Славик от скуки перепробовал несколько вариантов, отлично понимая, что угадать не получится, а следующим утром отправился проторенной дорожкой в «Альфа-банк» – недаром же в компактном сейфе-ячейке лежали распечатки с какими-то шифрами? Разумно? Разумно.

Возни было на полтора часа: будний день, очередь. Менеджер Славика узнал (внешность чересчур приметная, большинство посетителей при костюмах-галстуках, а этот в коже), улыбнулся еще более лучезарно, чем в прошлый раз, и после обязательной процедуры опознания препроводил в уже знакомую пустую комнатку, оставив наедине с железной коробкой.

Славик извлек из кармана купленный по дороге блокнотик – брать с собой распечатки он не собирался, целее будут. Проще переписать. А переписывать много, четыре листа, заполненных цифрами, непонятными сочетаниями букв, запятых, вопросительных и восклицательных знаков. Дважды Славик сбивался, перечеркивал, начинал заново. Когда закончил, взял из

второй шкатулки еще восемьсот долларов («Тратить не буду, но вдруг пригодятся?»), монеты наоборот – вернул на место. Сейчас они ни к чему, стоматологи перетопчутся.

Может ай-фон забрать? Не зря же его тут оставили? Славик решительно открыл шкатулку, вмещавшую коммуникатор, сунул коробку в рюкзачок. Попутно обнаружил не замеченный ранее под упаковкой ай-фона «билайновский» пакет с сим-картой – тоже с собой, вдруг кто-нибудь из знакомцев мадам Кейлин выйдет на связь и объяснит, что за чертовщина происходит?

Глянул на часы, охнул. Сегодня должен зайти Серега со своей подругой – просто так, в гости. Времени осталось полчаса, неудобно, если люди будут торчать под закрытой дверью. Всё, запираем ящик и даем звонок менеджеру – нехай относят обратно!

Опоздал, разумеется, но Серега с Натальей терпеливо ожидали на набережной, прямо напротив арки во двор (Славик терпеть не мог называть арку «подворотней», полагал это слово мрачным). Забежали в уже знакомый «Гастроном», затарились и пошли домой.

«Домой? – подумал Славик. – Кажется, я первый раз так подумал. Да, домой».

В квартире было тепло, едва заметно пахло сигаретным дымом и кремом для обуви – Славик оставил открытой баночку в прихожей с красными обоями. Дом снова приобрел собственный запах – безусловный знак жизни...

* * *

С Серегой всегда было ненапряжно. Легко. То, что Серега являлся непосредственным «боссом», Славика беспокоило только на работе: как-никак начальник производства. Однако Славик служил в армии и отлично знал точный смысл понятия «субординация». Работа – одно, а по жизни – совсем другое.

Возраста они были одинакового – двадцать семь лет, с разницей меньше чем в полгода. Интересы почти совпадали, тьма-тьмущая общих друзей-подруг, посиделки в «Африке» или концерты Деер Purple в «Юбилейном» оба не оставляли без внимания; бухали обычно вместе (Славик долгих загулов, правда, избегал – не любил, да и здоровье дороже), а, кроме того, Серега был человеком, на которого можно положиться. Если возникает серьезный трабл, он сначала обматерит, громко выскажет, какой ты мудака, а потом придет и просто поможет.

Нынешняя Серегина любовь – Наталья, Славику нравилась. Правильная женщина. Она была постарше Сереги на четыре года – тридцать один, возраст едва ли не преклонный! – однако выглядела в худшем случае на двадцать пять, обладала на диво невозмутимым характером, работала в Аграрном университете в Пушкине и являлась единственной на памяти Славика Серегинной подругой, умевшей быстро его унять, когда по пьяни начальник производства становился неадекватен и начинал бузить. Если его не останавливали, бузил он шумно и без фантазии – обычно начинал бить морды всем, до кого мог дотянуться. Наталья же действовала на Серегу благотворно: при ней он, конечно, не был тихой мышкой, но и двух-трех слов Натальи хватало для того, чтобы готовый взорваться поддатый Серега мигом утихомирился. Магия, что ли?

Прежде всего Наталья была хозяйственной. Пока мужики сидели и перетирали о чем-то своем, она с явным удовольствием готовила, мыла посуду (не забывая при этом вовремя вставлять нужные замечания в разговор), но при этом твердо установила «правильные мужские обязанности»: ходить в магазин за продуктами, выносить мусор и стирать самостоятельно. Все поняли, парни?

Серега как раз принес целый пакет грязных шмоток – у Валентины Васильевны, где они с Натальей поселились после Славика, стиральной машины не было, откуда такая роскошь у пенсионерки? Зато унаследованный Славиком BOSCH, входящий в комплект технического

оснащения квартиры, избавлял Серегу с Натальей от множества бытовых проблем. Упаковать утром чистые вещи, отвезти домой и дело с концом!

Только куда – домой? В принадлежащей Сереге квартире жила его прежняя супруга с ребенком, развелся Серега минувшим летом. Наташа не хотела беспокоить пожилую маму, у которой была прописана. Вот и подвернулся идеальный вариант – добрейшая Валентина Васильевна, физически не способная жить в одиночестве.

Ну а кроме того – почему бы иногда не заглядывать к обзаведшемуся сказочным наследством Славику? Последний был только рад, когда в квартире появлялись друзья, ему доселе было здесь не слишком уютно. Заодно прошлым разом Серега с Натальей обновили спальню (вскрыв те самые пластиковые пакеты с цветным желто-синим постельным бельем) и остались вполне довольны. Призрак старухи, хранившей двести тысяч долларов и несколько килограммов золота в «Альфа-банке», их не посетил, да и откуда призраки в нынешние просвещенные времена?..

– Заведи кошку, – посоветовала Наталья, протиравшая кухонный стол, который Славик уже успел загадить каплями майонеза и бульона. – Ну или рыбок! Хороший аквариум на Полюстровском рынке стоит копейки, от силы тысячу. Хочешь, я съезжу к маме и привезу хотя бы кактусы? Дом без цветов или домашних зверьков кажется не настоящим. Валентина Васильевна разрешила нам с Серегой держать морских свинок... Кстати! Славик, ты не станешь возражать, если я познакомлю тебя с моей подругой? Она должна зайти сюда к девяти.

– Сюда? – вначале не понял Славик, а потом внезапно расхохотался. – Живет дом, живет! Что я говорил?! Теперь вы начали приглашать в квартиру своих дружков! Тусовка создается! Вписочные площади-то ого-го!

– Я серьезно. – Светло-русые волосы Натальи упали на лицо, когда она повернулась к Славику. – Алёна живет тут недалеко, в «Астории». И не вздумай к ней приставать, она приличная девушка.

– В «Астории»? – озадачился Славик. – В смысле в гостинице?

– Ага. Она англичанка. Постоянно живет в Лондоне, к нам только наездами.

– Англичанка по имени Алёна?

– Дебил. У нее двойное гражданство. Нет, ты не думай, никакого папы-олигарха или родственников со стороны Березовского. Всего добилась своей головой и мозолями на ладонях. Она филолог.

– Кто-о? – Славик был потрясен. – Чего, теперь филологессы могут зарабатывать деньги на «Асторию» и обеспеченную жизнь в Лондоне?

– Могут. Если работают в компании Google, – хмыкнула Наталья. – Чуешь? У Алёны сумасшедший талант на языки германской группы. Все словари, автопереводчики, лингвистическая система Google – на ее совести. И возглавляемого Алёной отдела лондонского офиса. Знаешь, сколько ей платят?

– Немало, – сообщил Серега, а Славик только руками развел. В этом бизнесе он понимал еще меньше, чем в нумизматике.

– Короче, Алёна запросто может перекупить у тебя эту квартиру по цене выше рыночной, – сказала Наталья. – Если захочет. Так, мальчики, водку вы откроете только когда перед каждым будет по тарелке супа. Ясно?

Кастрюля на плите исходила паром. Наталья не была гением кулинарии, но готовила вкусно. Едва фарфоровые тарелки с борщом утвердились на столе перед голодными Серегой и Славику, в коридоре затрещал домофон.

– Я открою, – сказала Наталья. – Славик, да сиди ты, где сидишь!

– Хозяину дома надо самому встречать гостей, – вздохнул Славик, выбираясь из уголка. – Ну что человек обо мне подумает? Неприлично.

Через три минуты на пороге квартиры стояла девица в деловом брючном костюме и шикарнейшем темно-синем плаще с блестками. В руках «английский» зонтик-трость. Короткая стрижка, дорогие очки.

Пижонка.

Славику Алёна не понравилась с первого взгляда и с первых слов, хотя бывшая соученица Натальи вежливо поздоровалась – с едва заметным акцентом! – и сама повесила плащ на вешалку, не дожидаясь мужской помощи.

Славика, пребывавшего в застиранной черной футболке с оскаленной мордой неизвестной волкоподобной твари и надписью Amorphis, выдававшей в хозяине если не горячего поклонника, то уж точно почитателя этой группы, Алёна оглядела снисходительно-высокомерно. Настоящий взгляд иностранца. Впрочем, Славик и впрямь смотрелся непрезентабельно – помянутая футболка, «домашние» бундесверовские камуфляжные штаны, босиком, хайр растрепан – Наталья пообещала заплести косичку наутро.

Больше всего Славика взбесило то, что Алёна не сняла уличную обувь и сразу проследовала на кухню. Привыкли, блин, в своей буржуинии из офиса в машину, из машины в бутик, из бутика в любимый пентхауз! Отвратительная европейская привычка. Сам Славик позволял себе ходить дома в ботинках только в экстренных случаях – если, уходя на работу, что-нибудь забыл в комнате или по возвращению нужно было срочно положить продукты в морозилку. Потом Славик обязательно протирал тряпкой паркет. Родители и армия приучили незамедлительно прибираться за собой.

Алёна в это время щебетала с Серегой – они были знакомы. Наталья, взяв половник, наливала новую тарелку («Мне совсем чуть-чуть! Нет, это много!.. Нет, хлеба не надо!»).

Славик шагнул вперед, прислонился плечом к косяку кухонной двери, монументально скрестил руки на груди. Ждал, когда на него обратят внимание.

Славика незамысловато обломили:

– Чего встал? – обернулась Наталья, вынимавшая из холодильника водку. – Садись за стол! Дополнительное приглашение нужно? Сережка, возьми с полочки рюмки...

Славику ничего не оставалось делать, как молча подчиниться.

* * *

Сергеа с Натальей благополучно дрыхли в спальней, Славик по привычке устроился на кухне – уголок был достаточно широким, постелить вниз одеяло, накрыться спальным мешком, под голову подушечку с древнего дивана из большой комнаты. Вполне удобно, с армейских времен Славик обладал полезным умением моментально засыпать в любых условиях. А тут – роскошь!

Всегда просыпавшийся рано Славик поднялся, аккуратно сложил спальный мешок и задвинул его вместе с подушечкой в угол под подоконником, поставил чайник. Если ребята спят, незачем беспокоить. Сколько времени? Восемь с четвертью, ого! В душик, что ли, забраться? Мадам Кейлин заботилась о сантехнике – что сортир, что ванная комната не шли ни в какое сравнение с ржавыми трубами и вечно ломающимся смесителем у милейшей Валентины Васильевны.

Славик в который раз «ошибся пространством»: привыкнув к панельным домам, он еще не обзавелся привычкой идти в ванную долго и степенно – целых десять шагов от кухни по коридору. Не три, не пять – десять. Квартира-то огромная...

– Доброе утро. – Алёна, обернутая гигантским розовым полотенцем, оставшимся от Людмилы Владимировны, распахнула дверь ванной, едва не съездив по лицу Славика. – Ты сюда же? Место свободно...

Лондонско-питерская девица окинула оценивающим взглядом мигом засмущавшегося хозяина флэта, облаченного только в черные трусы-боксерки. Вздернула плечи:

- У тебя кофе есть?
- Ну... В пакетиках. С молоком тоже...
- А горячая вода?
- Чайник сейчас закипит. Посмотришь?..
- Нет вопросов.

С тем Алёна упорхнула в «гостиную», а хмурый Славик полез в душ. Стиральная машина, загруженная с вечера, сияла зелеными огоньками – выстирано и отжато...

По большому счету Славик не особо переживал из-за того, что предстал перед женщиной, пусть и едва знакомой, в неглиже – для двадцати семи лет выглядел он вполне достойно. Животик не нарастил, физическая работа позволяла сохранять подобающую форму – круглые бицепсы с жилкой, грудь тоже вполне себе мощная, сильные предплечья. Не Шварценеггер, ясно, но девушкам нравится.

- И, как подсказывают взгляд и разум, гламурной подружке Натальи тоже понравилось. Не дождется – у нас тут не растленный Запад!

Алёна встретила Славика на кухне, приготовив кофе из пакетиков.

– Извини, я взяла твою джинсовую рубашку, – без всякого смущения сказала она, когда Славик материализовался возле стола. Оделся он домашним образом – прежние штаны-камуфлю и чистая футболка: черная как смоль, с белой надписью на груди: «Я ПИТЕРСКИЙ. ВОПРОСЫ?». – Не возражаешь? Я же не могу надеть деловой костюм утром на вписке?

«Ага. Со словом „вписка“ она знакома. И знает, что именно оно означает, – отметил Славик. – Это радует, „синие чулки“ с подобными терминами обычно не сталкиваются...»

Женщина с голыми ногами и в длинной бело-голубой рубашке выглядит вполне сексуально – это Славик отметил мигом. Алёна становилась все менее несимпатичной. Скорее, даже привлекательной. Но ведь Наталья строго приказала «не приставать»? Вот и будем суровы.

- Чего поднялась ни свет ни заря? – Славик уселся напротив Алёны. Взял чашку с кофе.

– Привычка, – с европейской непринужденностью ответила Алёна. Выработанный за годы жизни за границей акцент никуда не пропал, но стал менее заметным. – В Британии на работу обычно приходят к восьми утра или даже к семи – если этого требуют обстоятельства. Не могу быть «совой», я прирожденный «жаворонок».

- Понятно, – нейтрально ответил Славик. Отпил из чашки.

Алёна по корректной европейской привычке пыталась поддержать вежливый разговор. Славик слушал краем уха:

– ...Знаешь, эти проблемы с унификацией понятий в Google, когда в английском подразумевается одно, а на немецком получается...

– Минутку! – зацепившийся за ключевое слово Славик выпрямился. – Ты хорошо знаешь немецкий язык?

- Смеешься? Говорю как на родном.
- Еще минутку! Подожди!
- А что случилось?..

Славик примчался обратно через сорок шесть секунд. В руках держал перевязанную желтоватой шелковой ленточкой стопку писем.

- Можешь перевести?

Алёна взяла первый конверт, открыла. Вынула исписанную перьевой ручкой бумагу. Пробежалась взглядом по строчкам.

- Это личная переписка, судя по всему. Мне кажется, неудобно...

– Забей. Моя... Ну да, моя бабушка умерла. И оставила за собой кой-какие семейные секреты, – Славик одновременно врал и говорил правду. – Переведи письма, а? Ну очень прошу!

– Пойдем. – Алёна встала, забрала конверты. – Покурим на лестнице.

Выбрались на чистенькую лестницу, поднялись выше, к окну на двор. Алёна уселась на крашенный белым подоконник, скрестив ноги. Славик нарочно отвел взгляд.

– ...Подписано бароном Альбертом фон Фальц-Фейн, – Алёна начала изучать письма. – Ого! Весьма известный человек, меценат, спонсор некоторых фондов – культура, искусство, живопись... К твоей бабушке обращается как к близкой подруге, «моя дорогая, милая». Он что, был ее любовником?

– Нет, – уверенно ответил Славик. – В советские времена? Совершенно невозможно! Что еще?

– Да ничего особенного. Сплошная бытовуха – куда ездил, с кем общался, сколько проиграл в казино Монако. Чума и холера, писать русской подруге о пятидесятитысячном проигрыше в рулетку, представляешь? В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году!

– Почему бы и нет? Горбачев, перестройка и все такое...

– Так или иначе, забавная переписка. Вот гляди... – Алёна извлекла новую открытку и прочитала громко: – «Сегодня ровно восемьдесят лет! Помни! Твой вечно – Альберт». Открытка датирована первым августа 1994 года. О чем именно твоя бабушка должна помнить, уяснил? Очень странно – дата, фотография...

– И чего? – не понял Славик.

– И ничего! – внезапно озлилась Алёна. Передала Славику открытку. – Посмотри!

Славик опять ничего не понял. Повертел карточку в руках, отметил дату и фирму – Бундеспочта, ФРГ, Мюнхен, 1994. На открытке дама в пышном платье и какой-то офицер с аксельбантами, множеством орденов и при ленте с саблей.

– Эрцгерцог Франц-Фердинанд с супругой, – пояснила Алёна. – Наследник престола Австро-Венгрии.

– И что? – повторил Славик.

Алёна тяжело вздохнула и хотела было высказать необразованному Славику все, что она думает, но тут открылась дверь квартиры – одним лестничным пролетом ниже, в зоне прямой видимости.

Сергея. Морда чуть заспанная, хитрая и одновременно обеспокоенная:

– Чего тут сидите? Не холодно на лестнице? Мы вас обыскали! А ну домой...

– Домой, значит, домой, – моментально среагировала дисциплинированная Алёна. – Славушка, давай поднимайся. Пойдем еще кофе выпьем.

– Не Славушка, а Славик. Терпеть не могу когда меня так называют!

– Договорились. Наташка наверняка уже завтраком озаботилась, опять будет закармливать насмерть. Славик, ты можешь приготовить специально для меня тосты?

– Еще чего! Будешь есть обычные бутерброды. С докторской колбасой. Тут тебе не «Астория».

– Докторская? О, вкус босоногого детства!

Славик забрал раскиданные по подоконнику старые письма, заново перевязал ленточкой и пошел вниз по лестнице, к гостеприимно распахнутой двери. Где-то в недрах квартиры добродушно переругивались Сергей с Натальей.

...Дом. Это мой дом.

* * *

– Некоторые узелки мы распутали, – сказала Алёна после завтрака. – Славик, можно было и самому сообразить: если господин Кейлин до семнадцатого года действительно являлся адвокатом владельца заповедника Аскания-Нова, то есть старого Фридриха фон Фальц-Фейна,

неудивительно, что старушка общалась с наследниками этой обширной семьи... Родилась она в тысяча девятьсот двадцатом?

– Деятнадцатом, – поправил Славик.

– Следовательно, ее приятель, ныне живущий в Лихтенштейне, старше на семь лет – ого, да ему под сотню! – Алёна включила ноутбук и вылезла на родной Google. – Жив-здоров, сразу видно человека старой закалки. Теперь по поводу нескольких открыток, на фоне прочих выглядящих необычно. Я отобрала шесть, смотрите...

Лондонская филологесса выложила в рядок полдюжины почтовых карточек, включая ту самую, с фотографией эрцгерцога. На прочих были изображены виды городов или невинные пейзажи.

– Самые обыкновенные открытки, – откомментировал Серега. – В чем проблемы?

– Текст. – Алёна по очереди перевернула карточки. – Две напоминают об исторических датах и непременно слово «Помни!». Первая мировая война, август девятьсот четырнадцатого – бабушка Славика тогда не родилась, а барону исполнилось всего два года. Вторая посвящена – вы не поверите! – девятисотлетию взятия Иерусалима крестоносцами Готфрида в тысяча девяносто девятом году, я проверила на сайте энциклопедии «Британика», все верно... На открытке фотография храма Гроба Господня в Иерусалиме, отправлено из Тель-Авива пятнадцатого июля, точно в день сомнительного юбилея... Славик, твоя бабушка увлекалась историей?

– Откуда я знаю? Я ее видел только в детстве, разок-другой! Но книжек по истории в доме нет...

– Компьютер в гостиной? – вздернула бровь Алёна.

– Не смотрел, он запаролен...

– Понятно. Едем дальше. Последние четыре карточки совсем невнятные. Как, по-вашему, что означают фразы «Рейкьявик открыт» или «Открылось в Неаполе»? Больше ничего, только подпись, инициалы – ФФ. Даты отправления к каким-либо известным событиям не приурочены. В списке городов еще Барселона и Реймс. Ничего не понимаю. Что у них там наоткрывалось?

– Выставки, фестивали? – разумно предположила Наталья. – Он ведь искусством занимается?

– Сейчас посмотрим, – Алёна вернулась к ноутбуку. – Рейкьявик, январь девяносто девятого... Ничего. Никаких крупных мероприятий международного уровня. Барселона? Тоже пусто...

Расследование если и продвинулось, то лишь на один крошечный шаг вперед – Славик решил, что Фальц-Фейн вполне мог оказаться загадочным иностранцем, навещавшим мадам Кейлин в больнице и появившимся на кремации, однако прямых подтверждений тому не было. Да и вряд ли престарелый барон отправился бы в Питер из своего Лихтенштейна, девяносто шесть лет – это вам не шуточки. Впрочем, фотографию из Интернета надо распечатать и отнести сестрам в Мариинскую, вдруг опознают?

Серега с Натальей собрались в кино и зазывали Славика, однако тот сослался на несуществующие дела и остался дома. Алёна отправилась в «Асторию», упомянув о двух деловых встречах, – какие дела могут быть в воскресенье? Ах, «бизнес»? Ну тогда извиняйте, бизнес-леди, – вы сами этот путь выбрали.

– Соседи у тебя буйные, – заявил Серега, завязывая шнурки на ботинках. – Часа в три ночи в стену будто тараном молотили, мы еще заснуть не успели...

– Соседи? – Славик почесал в затылке. – В квартире напротив живет вполне приличная пожилая пара, преподаватели, со мной всегда здороваются. Неужто шумели?

– У них там словно шкаф упал, причем раза четыре подряд, – проворчал Серега, кивнув на стену прихожей напротив входа в гостиную.

– Пить надо меньше, – ответил Славик. – С той стороны – лестница. Ладно, народ, заходите еще...

– Вечером, – кивнула Наталья. – Мы же в кино с сумкой чистого белья не поспеем? Потом заберем.

Отправив восвояси гостей, Славик вышел на лестницу – никакого грохота он не слышал, спал как убитый. Краска на стенах не поцарапана, никаких разбитых бутылок или – фу, гадость какая – использованных шприцев, частенько валявшихся на лестничных клетках дома на Ленской. Люди здесь обитают порядочные, в основном старики или богатенькие буратины, купившие престижные квартиры в центре во время риэлтерского бума начала века.

Сергею наверняка почудилось.

Вернулся, разыскал в карманах куртки блокнот с записями, попытался оживить большой компьютер. Сидел больше часа, но безуспешно: коды не подходили. Может и впрямь, поступить по серегиному совету – форматнуть жесткий диск и заново установить систему? Нет, ни в коем случае! Если бабушка что-то прятала, это самое «что-то» могло оказаться именно в...

Да мать-то вашу! В чем дело?

В коридоре ощутимо грохнуло, чашка с чаем, стоявшая возле клавиатуры, слегка подпрыгнула. Славик опять выскочил на лестницу – пусто, ни души. Соседи сверху развлекаются? Ничего подобного!

И тут Славик впервые заметил некую странность, на которую прежде внимания не обращал. Ковров в квартире не было, нигде. Голый паркет, по стенам обои разной степени красноты, да и не любил Славик ковры: пылесборники, чистить замаешься. Однако, по правую руку, в пяти шагах по направлению к кухне, за открытым гардеробом темного дерева висел прямоугольный ковер размером метра два на полтора – черно-бежево-зеленый, с двумя пятнистыми ланями, пасущимися на лужайке. Китайский новодел, но вполне приличный – на фоне архаичной обстановки квартиры выглядел он чуть нелепо. Больше того, ковер по краям тщательно прибит мебельными гвоздиками с широкими круглыми шляпками, просто так не отдерешь.

Славик решительно направился в сторону ванной – привезенные с Ленской инструменты он сложил в тамошнем стенном шкафу, у Людмилы Владимировны в доме даже плоскогубцев и молотка не было. Начал вытаскивать пассатижами гвоздики, а было их немало – штук восемьдесят, вбиты через каждые три или четыре сантиметра. Едва коврики с олепками свалился на пол и был оттащен в спальню, выяснилось, что скрывал он темно-коричневую деревянную дверь без ручки с единственной замочной скважиной.

Кладовка, забитая сокровищами? Очередной саквояж с долларами и пакеты с героином?

Меньше голливудских боевиков смотри, разжижение мозгов заработаешь!

Да, но зачем было прятать дверь за ковром? И как ее открыть?

Состоялась третья экспедиция на лестницу, на этот раз с рулеткой. Нет, это не «слепая» дверь, какие иногда встречаются в старых зданиях, неоднократно подвергавшихся перепланировке. Расстояние от входа в квартиру до двери четыре метра шестьдесят сантиметров, а лестничный пролет длиной три двадцать пять. Теоретически дальше начинается квартира соседней парадной... Или как? Тоже неправильный вывод, справа должен быть фасад дома, смотрящий на Гороховую. Куда пропали «лишние» два с половиной метра – то есть 1,35 до самой двери, ее ширина ровно в метр десять и еще пятьдесят пять сантиметров до поворота коридора в кухню? Что за чепуха?

Вернувшись, Славик из чисто детского любопытства посмотрел в замочную скважину. Черным-черно. Постучал в дверь – звук глухой, значит, за деревянной обшивкой спрятан металл. Если там кладовка (никаких других здравых гипотез не родилось), то она должна походить на небольшую комнату площадью эдак метров семь-восемь квадратных – Славик учел длину кухни, за стеной которой и находилось запертое помещение.

Выходит, квартира трехкомнатная, хотя и проведена по всем документам как «двушка»? – Бр-р... – Славик помотал головой, будто пытаясь сбросить наваждение. – Ключ? Ну конечно!

Среди выданных Новиковым В. Г. трех комплектов ключей один отличался: к колечку был прицеплен большой, с замысловатой бородкой латунный ключ, применения которому в квартире не нашлось. Возможно, от той самой дачи в Репино (Славик как раз намеревался туда наведаться и проверить, кому досталась фазенда)? Не случись внезапного открытия, Славик бы о ключе и не вспомнил...

Нашел связку, сдернул ключ. Подумал. Сходил на кухню за складным ножом и сжал его в левой руке. В очередной раз обругал себя параноиком, однако нож обратно не положил – кто его знает, что там, по ту сторону?

– Фантазия у тебя большая, – громко сказал Славик. – Какая может быть «та сторона» в банальном чулане? Пыль и всякий хлам! А если назгулы ползут – надаем мы им по репе! Им узнать весьма полезно, как со сна мы все свирепы...

Звук собственного голоса придал уверенности. Отправил ключ в скважину, повернул дважды – замок сработал идеально, никакого ржавого скрипа. Толкнул дверь – не поддавалась. Выходит, открывается внутрь коридора, а не наружу. Надо будет потом ручку прикрутить.

Славик потянул за ключ. Дверь оказалась тяжелой, сравнимой с железным притвором парадной, но отошла легко – видно, петли хорошо смазаны.

– Ни хрена себе... – только и выдохнул Славик. – Вот ну ни хрена...

Пинком захлопнул дверь. Сунул нож в карман, протер глаза большими пальцами. Снова приоткрыл, заглянув в щелку шириной не больше ладони. Потянул носом воздух, учуяв абсолютно не присущий ноябрьскому Петербургу запах – пыльца, грибы, нагретое солнцем сено.

– Звиздец, – едва слышно прошептал Славик. Закрыл, повернул ключ. Бездумно вернулся на кухню, вынул из холодильника бутылку с остатками вчерашней водки – граммов сто пятьдесят еще плескалось на доньшке. Выпил по-матросски, винтом, из горла. Закашлялся так, что слезы из глаз брызнули. Нашарил на столе сигареты.

Славик лишь изредка позволял себе дернуть травки за компанию – не считал гандж опасным, да и брала его дурь с трудом. До зеленых чертиков никогда не допивался, на учете в психдиспансере не стоял, к модной среди клубной молодежи замысловатой химии не прикасался, а действие настоящих наркотиков в виде морфия испытал один раз в жизни: когда в армейском окружном госпитале ему вырезали аппендицит. В итоге проблем с рассудком Славик не испытывал и затуманивал его разве что банальным алкоголем.

«Ну-ка спокойно! – прикрикнул на себя Славик. – Вот мы сейчас и проверим, галлюцинации это или нет. Технику обмануть невозможно!...»

Бегом сгонял в большую комнату, схватил старенький цифровик, остановился возле двери. Открыл. Сделал пяток снимков, метнулся к ноутбуку, дрожащими пальцами нашарил USB-кабель. Внимательно просмотрел снимки.

Техника видела то же, что и глаза Славика. Залитая солнцем поляна, цветущая мать-и-мачеха, несколько молодых берез, серые валуны, огромная раскидистая сосна. На двух фотографиях различима желтая бабочка-капустница, подлетевшая слишком близко к двери...

(К какой двери? Откуда в лесу дверь?)

Мама дорогая, что же делается, а? Какое наследство оставила бедолаге-Славику подруга барона фон Фальц-Фейн?

Отрицать реальность глупо – это не бред, не оптический обман, не построенная вмонтированным в дверной проем здоровенным жидкокристаллическим монитором картинка. По ту сторону – живой мир, ничем не отличимый от настоящего. Это подтверждают все органы чувств, которыми располагает человек: лесные запахи, Славик заметил, что воздух там теплее, чем в квартире, было слышно чириканье птиц и шум ветра в кронах. Запечатленное на мат-

рице фотоаппарата только подтверждало истину: дверь вела в тихий вечер, куда-то за пределы Питера...

Славик посмотрел на часы. Решение созрело моментально.

Ключ от двери он предварительно спрятал на кухне, в пустой банке из-под кофе, затем быстро собрался, взял рюкзачок, деньги, запер квартиру и быстрым шагом направился в сторону ближайшей станции метро.

Глава вторая

Дверь в лето

– Как бы вас назвать? Бонни и Клайд? Мастер и Маргарита? А чего, вполне...

Славик хмуро рассматривал клетку с двумя пушистыми морскими свинками, числившуюся среди других покупок – на мысль о приобретении навели поминавшиеся вечером домашние питомцы Сереги с Натальей. Еще на кухонном столе лежали коробка с кормом для мелких грызунов, два электронных секундомера и раздобытая в комиссионном на Садовой видеокамера. Если взглянуть со стороны, неслыханно дурацкий набор.

Вернувшись домой после стремительного рейда по магазинам и на птичий рынок, Славик первым делом открыл ту самую дверь – вдруг все-таки почудилось? Нет, радикальных изменений «по ту сторону» не наблюдалось, картина прежняя, разве что начало темнеть – солнце склонилось к закату, лучи пробивались сквозь кроны деревьев.

Славик, как человек насквозь прагматичный и активно читающий современную фантастику, предпочел поспешных выводов не делать. Ну хорошо, пускай с рациональной точки зрения ничего подобного быть не может – откуда в обычнейшем доме на Мойке дверь, ведущая не просто в другую точку пространства, но и в иное время года? Тогда что это? Да что угодно по большому счету!

– Например? – спросил Славик, обращаясь к морским свинкам. Уселся за стол, сложил руки, уперся подбородком в кулаки. Свинки поглядывали на нового хозяина глуповато-заинтересованно, подергивали розовыми носиками, привыкая к запахам. – Военная или шпионская разработка? Вон коллайдер запустили, почему бы не создать что-нибудь вроде порталов Нуль-Т, как в книжках Дэна Симмонса – Вселенная якобы многомерна?

Пушистый черно-рыжий Мастер тихонько и почти издевательски хрюкнул, палевая Маргарита ответила резким попискиванием – явно соглашалась.

– Куда вам до высоких материй, – вздохнул Славик. – Вот что, звери, не против слетать в космос? Как Белка и Стрелка? Извините ребята, но пока я туда не полезу...

Звонок домофона – кто там еще? Ах, верно, Серега с подругой вернулись из кино. Быстро убрать камеру и секундомеры в кухонный шкаф, лишние вопросы сейчас не нужны. Пока хоть отчасти не разберусь, в чем дело, о двери – молчок! Незачем подставлять других людей.

Черт, а ведь заметят, раньше на стене ковер был! Фигня, скажу, что нашел старую кладовку!

По счастью, визитеры задержались всего на минутку – Славик передал Наталье сумку с чистыми вещами, попрощался и с тем возлюбленная пара убыла на Ленскую. Пообещали обязательно заглянуть на неделе.

Четко разработанного плана обследования «задверного» пространства у Славика не было, так, отдельные сумбурные мысли. Перво-наперво, выходить туда из квартиры он не собирался – проход закрывается, а дальше вспоминай сюжет любого низкобюджетного фильма ужасов. Второе: надо проверить безопасность внешней среды, морские свинки подвержены тем же болезням, что и люди... Камера понятно зачем – поставить сверху на клетку, включить запись, а затем просмотреть, что происходит. Если в дверь незнамо кто колотился изнутри, хотелось бы увидеть кто конкретно – обнаружить у себя в квартире слюнявого Чужого из одноименного фильма с Сигурни Уивер Славик категорически не желал.

– Господи, маразм какой, – Славик заржал в голос. – Сейчас Чужой, а дальше? Годзилла? Она сюда не поместится!

Последний эксперимент должен претендовать на минимум научности. Оба китайских секундомера синхронизируются с точностью до одной сотой секунды, один оставляется там,

другой в квартире. Через сутки данные сверяются. В чем глубинный смысл этого действия Славик представлял довольно смутно, но помнил о похожем эпизоде не то в «Звездных вратах», не то в «Стар-треке».

Морские свинки другое дело – если умрут без видимых причин, значит, за дверью опасно. Трупки можно отнести на вскрытие в виварий ВМА, связи остались. А если серьезная инфекция? Насмерть затаскают по нехорошим конторам, скрыть не получится...

ТЬфу! О чем ты думаешь, балда?! Мастер с Маргаритой выглядят преотлично, хрумкают дорогой корм и отправляться на тот свет решительно не собираются!

Да, это паранойя, дружок. Как и было сказано. Выпей пива, полегчает.

Подготовку Славик завершил в кратчайшие сроки: вставил в видеокамеру новенькую флеш-карту, проверил заряд аккумулятора, затем прикрутил аппарат к клетке медной проволокой. Налил свинкам полную поилку воды, запихнул в домик фланелевых тряпок – вдруг станет холодно? Укрыл клетку поверху разорванным надвое полиэтиленовым пакетом, защитить от возможного дождя. Закрепил пакет скотчем – только объектив сверкал синеватым глазом. Одновременно нажал на кнопки сброса секундомеров, один запихнул под пленку рядом с камерой.

Секретное оружие Славика, трам-пам-пам! Два безмозглых грызуна, видак б/у и копеечная китайская безделица! Уж явно не Звезда Смерти вкупе с легионом имперских штурмовиков. Чем богаты, как говорится.

Отпер дверь, заглянул туда и немедленно расстроился: поздние сумерки, вскоре наступит ночь. Включать камеру смысла нет. Хорошо, сделаем это завтра, а пока...

Славик поставил клетку на паркет коридора и задвинул шваброй туда. Свинки озадаченно засвиристели, но паники в их тонком щебете не замечалось, эти зверьки всегда шумно реагируют на смену обстановки.

Щелкнул замок, дверь надежно отгородила мир квартиры от той стороны.

Тщетно пытаюсь убедить себя в том, что ровным счетом ничего не происходит, Славик вернулся на кухню, отправил в микроволновку «готовый обед», прикупленный в ставшем почти родным «Гастрономе», достал из холодильника очередную бутылку с пивом и открыл на ноутбуке первый попавшийся в списке файлов эпизод «Звездных войн». Так и провел весь вечер в сравнительной идиллии с самим собой и Джорджем Лукасом.

Спать лег, как школьник, в половине десятого, категорически запретив себе даже думать о двери, не то что подходить к ней.

* * *

Последующие четверо суток Славик покидал квартиру только по самой неотложной надобности – за продуктами, оплатить сотовый и бегом обратно. Забил даже на концерт Manowar в спорткомплексе, а ведь дорогуший билет купил загодя, да и со старыми корешами давненько не виделся.

Сейчас было не до тусовок. События развивались чересчур стремительно – впору звонить незаменимому Сереге, откровенно рассказывать ему о той стороне и просить немедленной помощи. Однако, чем мог помочь Серега, кроме грубой физической силы? Что он посоветует в этих обстоятельствах? Вот-вот, ровным счетом ничего вразумительного.

Утром понедельника выяснилось, что Мастер с Маргаритой целехоньки и чувствуют себя ничуть не хуже, чем вчера. Славик отпер Дверь (в кратких записях на листках, вытащенных из лотка принтера, он всегда использовал прописную букву), заглянул в щелку и сразу увидел стоящего на задних лапках Мастера, увлеченно жующего травинку, застрявшую между прутьями клетки.

Там всегда было на несколько часов больше, чем в Питере – закат приходился приблизительно на половину седьмого вечера по пулковскому меридиану, а в восемь утра «нормального времени» светило полуденное солнце. В лицо Славика ударил поток теплого воздуха.

Извлеченная оттуда клетка (Так. Дверь закрой, идиот! На ключ!) изменений не претерпела. Металлические прутки в золотые не превратились, зернышки в кормушке сказочными («ядра чистый изумруд») орешками не обернулись, таймер работает безупречно. В сравнении с показаниями близнеца-клона никаких изменений. Свинки вылакали за ночь больше половины поилки, надо бы долить воды.

И, разумеется, включить камеру.

Через десять минут клетка отправилась обратно. Объектив смотрел на березы и выстроенные полукругом ледниковые валуны. Флеш-карты хватит на пять часов непрерывной записи при разрешении среднего качества.

А еще полчаса спустя Славик подобрал пароль к «большому» компьютеру из гостиной. Проще простого, как сразу не сообразил! Старательно копируя листы распечаток из банковской ячейки он переписал всё, включая колонтитул, на котором значилось: «jnrhjq-b-gjcvjnhb» – вначале Славик решил, что видит стандартную проблему с кодировкой, но, потеряв последнюю надежду, ввел абракадабру в поле запроса пароля.

Осенило – это же элементарно! Русские слова «открой-и-посмотри», набранные в латинской раскладке клавиатуры!

Винды Экс-Пи загрузились. Моментально вылезло окно от брандмауэра неизвестной разработки, некая фирма RGT – «Доступ в Интернет запрещен. Введите пароль, активирующий программу общей защиты».

Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Второй кабель ведет к кухонному ноутбуку, а там Интернет работает.

Дальше?

– Мистер Ватсон, не будем торопиться, – сказал Славик. – Осмотрим место преступления.

На рабочем столе всего три папки – «Мои документы», «диск С» и «диск Е». По центру девятнадцатидюймового монитора цветной фотографический портрет достопочтенной Людмилы Владимировны. Ага, сидит она в кресле гостиной, том, что справа от Славика – виден книжный шкаф и диван.

Снимок недавний, внизу оранжевыми циферками отмечена дата, 14 мая 2008. Ну что сказать, мадам Кейлин и в столь уважаемом возрасте не теряла шарма – красила длинные волосы под темную шатенку, умело пользовалась косметикой, пышный шелковый халат с журавлями и лилиями...

Указательный пальчик с маникюром Людмила Владимировна положила на щеку. На пальце – кольцо с немаленьким бриллиантом. Шкатулки с дамскими драгоценностями в доме не обнаружилось, в ячейке «Альфа-банка» перстень отсутствует, значит, досталось сонаследникам, Славiku неизвестным. Ничего, мы их непременно отыщем и разговорим...

Весьма представительная старая дама, вновь отметил Славик. Походила бы на «графиню» из фильма советских времен «Бронзовая птица», однако не настолько холодна и строга. Впрочем, представить мадам Кейлин готовящей пирожки в духовке Славик тоже не мог – эта старая женщина никоим образом не походила на такую домашнюю, простую и уютную родную бабушку Славика.

В «Моих документах» сплошные непонятки – пятьдесят два файла формата Excel, сплошные графики да таблицы, заполненные цифрами и датами. Позже посмотрим, незачем сейчас голову ломать.

Видео по поиску? Пусто. Славик подсознательно ожидал найти запись, на которой мадам Кейлин объясняет наследнику все загадки, рассказывает о двери-портале, ведущей в другое

измерение (ну или в штаб-квартиру ЦРУ), и остался крайне разочарован. Никаких намеков, ни единой зацепки.

Сразу видно – это деловая машина. Музыка, киношечки, картинки отсутствуют напрочь – для развлечений есть ноут с кухни. Почтовые программы? Ни входящих, ни исходящих писем, адресная книга пуста. Архивы? Ни одного.

Славик остался в полном недоумении. Для чего использовалась столь мощная машина? Графики рисовать?

Кстати, подходит время проверить, как обстоят дела у Мастера с Маргаритой, и забрать камеру.

Пошли? Пошли.

* * *

Просмотр записи полезной информации не принес. Славик вскоре заскучал и начал перематывать файл на скорости x32 – бабочки, птички (привычные сойки и грачи), сильным порывом ветра сломало ветку одной из берез. Один раз между деревьев мелькнула буроватая тень, судя по размерам – не крупное животное. Лисица, заяц, барсук? Никакой экзотики наподобие динозавров или агрессивных инопланетян камера не запечатлела.

Немного осмелев, Славик теперь не задвигал клетку на ту сторону черенком швабры, а ставил руками, делая полшага вперед – правая нога ставится на траву там, быстрый наклон и сразу шаг назад, в квартиру. Попутно успел сорвать одуванчик и полдюжину травинки, изучить на досуге.

Сутки наблюдений показали: за Дверью вроде бы безопасно, морские свинки не заболели, зверьков никто не сожрал, время там течет с аналогичной скоростью, как в мире реальном. А самое главное, клетку можно преспокойно перемещать туда-обратно, предполагаемый «барьер» между квартирой и той стороной отсутствует. Логика подсказывает, что и вышедший туда человек сумеет вернуться беспрепятственно.

Попробовать? Положить между Дверью и косяком кирпич или заблокировать ее стулом, чтобы не захлопнулась, быстро прогуляться по поляне, затем сразу обратно. Вроде бы плевое дело, а боязно...

Ладно, бог не выдаст, свинья (морская?) не съест. Однако некоторые меры предосторожности обязательно следует предпринять.

Вот мы как сделаем...

Славик взял бумагу, ручку и написал адресованное Сереге письмо, где по пунктам изложил хронологию событий, от первого похода в «Альфа-банк» до методической цепи любительских «исследований». Положил листки посреди стола, на самом видном месте, придавил заварочным чайником. Затем позвонил в дверь соседям напротив и попросил на время взять запасной комплект ключей от квартиры – Славик якобы собрался за город, а к нему должны зайти родственники. Вы не против передать им ключи? Большое спасибо.

Подробно объяснил, как выглядят Серега с Натальей. Соседка, Фаина Андреевна, повздыхала – так жаль, так жаль, что Людочка умерла, столько лет жили под одной крышей. Вы, Слава, заходите на чашечку чая как-нибудь. Вы Людочке родной внук? Ах, племянник... Да-да, к ней редко заходили родственники.

Этап третий: набрать на сотовом Серегин номер и бодрым голосом сообщить, что если они соберутся в гости, а Славика не окажется дома, пускай обратятся в квартиру 4б и заберут ключи, соседка в курсе. Понял? Ну и отлично, пока.

Теперь, если не получится вернуться обратно, хоть один человек будет знать, что произошло. Серега вначале не поверит, но если откроет Дверь, то мигом убедится, что старый

приятель не пал жертвой шизофрении. Ключ придется оставить в скважине, надо было дубликат сделать, балбес!

Один вопрос: подойдет ли сделанная в Доме быта копия ключа к такой Двери? Не исключено, что в оригинал встроены какие-нибудь микросхемы, приводящие в действие механизм замка (паранойя-паранойя!).

Отставить конспирологию! Надо подумать, что взять с собой, пускай грядущая экспедиция туда должна продлиться всего две-три минуты.

Минимальный «лесной» набор: нож и фонарик. Может, найти какое оружие посерьезнее? Тесак? Да ну, незачем! Сотовый обязательно – проверим, работает ли за Дверью связь. Фотоаппарат на всякий случай. Хватит?

Славик остановился перед буфетом и, сам не зная зачем, отправил в карман две шоколадки «Марс» – обычно он брал их на работу, слегка перекусить. В прихожей надел высокие ботинки – не в тапочках же идти? Быстро спустился во двор – возле угла арки валялись несколько кирпичей, один из них сыграет роль «предохранителя» от случайного захлопывания Двери.

Уровень подготовки не хуже, чем во времена первого выхода человека в открытый космос, пускай и масштабы заметно помельче. Кажется, все предусмотрел?

– Две минуты, – напомнил себе Славик, поворачивая ключ. – И сразу назад!

Клетка на месте, свинки развалились на подстилке – дрыхнут в тенечке. Аккуратно кладем кирпич, проверяем. Закрыть дверь не получается...

Славик выпрямился, закрыл глаза и шагнул вперед – будто в ледяную воду с трамплина прыгал.

Оглянулся. Едва не заорал в голос: прямоугольного дверного проема за спиной не было.

Инстинктивно кинулся обратно. Споткнувшись, перевернул клетку со свинками, камнем влетел в знакомый полутемный коридор и от души приложился о противоположную стену. Полушепотом матерясь, сполз на пол.

– Распродрана мать. – Славик ощупал лоб. Справа над виском порядочная ссадина, скоро шишку надует. – Аккуратнее надо...

Вторая и третья попытки оказались более успешными. Эмпирическим путем было установлено, что если из квартиры та сторона, равно как и тамошний пейзаж прекрасно видны, то глядя оттуда, проход не заметен: его отличают лишь два больших валуна, справа красноватый, гранитный, слева грязно-серый с белесыми вкраплениями кварца. Делаешь один шаг – и мгновенно перемещаешься из той реальности в дом...

Заинтересовавшись, Славик обошел валуны и попытался пройти между ними с противоположного направления, как бы «из квартиры». Никакого эффекта. Поставил клетку с напуганными свинками, как положено, на пластиковое днище, и легонько подтолкнул ногой. Половина жилища Мастера с Маргаритой сгнула, его будто разрезали надвое. Из пустоты появилась уса-тая мордочка, оставшаяся часть туловища морской свинки находилась за невидимой «границей», разделявшей «тут» и «там». Ни дать ни взять – Чеширский кот с его знаменитой улыбкой.

Ну и приколы... Забыв про назначенные «две минуты», Славик уселся на красный валун, вынул из кармана пачку с сигаретами, закурил. Отметил, что руки подрагивают. Разумеется, нехилый стресс. Выбрасывать «здесь» бычок не решился, перешагнув через клетку, вернулся в квартиру, еще раз подивившись стремительности «перехода», и выбросил окурочек в унитаз. Потом решительно направился обратно.

Отходить далеко от камней не стал, максимум двадцать шагов. Внимательно огляделся по сторонам.

Подтверждается исходная теория: это лес средней полосы, с подходящими любому нормальному лесу звуками и запахами. И, безусловно, это Земля, а не какая-нибудь Альфа Центавра. Сила тяготения привычная, дышится легко, солнце ничем не отличается от солнца «там»

– в смысле в Питере. На обширной, метров пятьдесят в радиусе, на поляне полным-полно одуванчиков, значит на дворе июнь или начало июля. И уж подавно на Альфе Центавра или в любом другом чужом мире не должны расти сосны, березы или боярышник – вон сколько кустов на дальней стороне лужайки! Привычные комары – уже раздавил троих...

Что с сотовой связью? Понятно, сигнала нет, «Моторола» и навороченный ай-фон показывали одинаковый результат – Славик активировал коммуникатор сразу после того, как забрал из банка, и вставил прилагавшуюся симку, однако звонков или текстовых сообщений за минувшие дни не дождался.

Включил встроенный в ай-фон GPS-навигатор. Тишина – ни одного спутника в зоне приема, а это выглядит подозрительно: даже если предположить, что Дверь ведет в глухую сибирскую тайгу или необжитые чащобы центральной Канады, система GPS должна работать, она не зависит от узловых приемо-передающих башен-ретрансляторов сотовых операторов.

Хватит для начала. Вместо нескольких минут провел здесь едва не полчаса. Незачем рисковать.

Славик поменял аккумулятор и карточку на видеокамере, взгромоздил клетку на плоский сероватый валун (тут повыше, вдруг удастся заснять что-нибудь поинтереснее прошмыгнувшего в кустах лиса?), сделал несколько фотографий и запер Дверь.

– Ф-фу, – Славик рухнул на сиденье кухонного уголка и ладонью вытер пот с лица. На указательном пальце остался мазок крови; ссадину, полученную во время первой, неудачной попытки обследовать Мир-за-Дверью, надо бы хоть перекистью промыть. – Я сейчас рехнусь...

Внезапно навалилось чувство резкой усталости, словно целый день мешки с цементом таскал. Объяснимо: последний час в крови бушевал адреналиновый шторм, не каждый день приходится играть роль Христофора Колумба, ступившего на берег Terra Incognita. Спектакль, правда, даже на школьную самодеятельность не тянет – дрожал, как кролик, завидевший волка, все до единого герои фантастических книжек померли бы со смеху, завидев взмокшего Славика, пытавшегося (всего-навсего!) заглянуть в соседнее измерение (иное время, другой мир, нужное подчеркнуть, недостающее вписать).

– Идите вы все лесом! – искренне возмутился Славик, отгоняя некстати явившееся видение литературно-кинематографических конанов-варваров, капитанов бладов и прочих уоррент-офицеров рипли. – Я не герой, я токарь! И медсестра еще. Операционная. Ясно?

Встал, недовольно оглядел содержимое холодильника, посчитал остатки денег (ай-ай, скоро придется опять топтать в банк, больше половины истратил на видеокамеру!) и решил, что нет смысла умирать от голода из-за проклятущей Двери. Схожу закуплюсь как следует, вдобавок в магазине – живые люди, хоть с продавщицей можно пообщаться. В квартире от одиночества скоро с ума сойдешь.

Может и впрямь жениться? По совету Валентины Васильевны? Приданое-то за женихом ого-го какое!..

Письмо Сереге надо со стола убрать и спрятать в ящик буфета, под салфетки. До следующего путешествия туда.

В том, что таковое обязательно состоится, Славик не сомневался – его начало глодать нешуточное любопытство, да и наблюдения подтвердили: зримой опасности по ту сторону нет.

Или таковой до времени не заметно, ага?..

* * *

Возвращаясь, столкнулся на набережной с Алёной – на сей раз бизнес-леди оделась попроще, обычный для современных карьеристок «властный костюм» с приталенным пиджаком и брюками отсутствовал, замесившись узкими джинсами, спортивной курткой и вязаной шапочкой с наушниками и вышитым канадским кленовым листом. Все равно филологесса

выглядит безнадежной иностранкой, за неделю пребывания в России от европейского лоска не избавишься. Еще и зонтик этот дурацкий...

– А я как раз собралась зайти, – сообщила Алёна, даже не поздоровавшись. Так в Англии принято, что ли? – Прости, что без звонка, в прошлый раз забыла записать номер твоего сотового. Ты не против? Замерзла, погода отвратительная.

– Очень хорошо, – подчеркнуто-злорадно ответил нагруженный пакетами Славик. – Не сможешь дотащить?

Не выказавшая и тени удивления Алёна забрала одну из сумок, причем самую тяжелую – с восемью бутылками пива. Уверенно продолжила:

– ...Я узнала кое-что про Альберта фон Фальц-Фейна, решила непременно тебе рассказать. Пришлось пойти на маленькое должностное преступление, нарушение «прайваси».

– Нарушение чего?

– В Европе сбор информации о частной жизни человека считается недопустимым. Папарацци не в счет. Воспользовалась служебным положением – я знаю где и каким способом добывать нужную информацию.

– Да здравствует Интернет?

– Не совсем верно. Да здравствуют закрытые корпоративные сети, к которым у меня есть доступ... Могу поинтересоваться, где ты лоб разбил?

– На лестнице упал. По пьяни...

Сразу отправились на кухню, Славик принялся загружать холодильник. Алёна извлекла из фирменного бумажного пакетика темно-коричневую с золотом банку:

– Вот, премиум-класс, арабский, купила в «Астории». Не могу жить без хорошего кофе, а у тебя одни пакетики «три в одном», которыми и американские бомжи брезгуют.

– Много общалась с американскими бомжами?

– Приходилось, я часто летаю по работе в Нью-Йорк. Кофеварки у тебя, разумеется, нет, может, турка найдется?

– Где-то была, посмотри в буфете.

– А зачем тебе корм для морских свинок? – Алёна взяла со стола коробку с зерновой смесью. – По совету Натальи решил завести домашних животных?

– Ем на завтрак, с молоком, – хмыкнул Славик. Эх, знала бы ты, где именно сейчас пребывают «домашние животные»! – Как мюсли.

– На тебя кофе варить или предпочтешь пиво?.. В таком случае сделай сэндвичи.

– Бутерброды... Отвыкай.

Чинно расселись, принялись за файв-о-клок («Полдник, – поправил себя Славик. – Эдак я вконец обуржуюсь»), Алёна заинтересованно поглядывала на экран стоящего поодаль ноутбука – Славик не обратил внимания, что открыта недавняя фотография той стороны: два камня и стоящая на левом валуне клетка со свинками и видеокамерой.

Ай как скверно, на ерунде спалился!

К вящему облегчению Славика, ненужных вопросов Алёна задавать не стала. Перешла к делу:

– Барон Фальц-Фейн последние четыре месяца из Лихтенштейна не выезжал, следовательно, навещать твою бабушку в больнице не мог – старик болеет, сам с прошлого лета лежит в госпитале. Однако не это самое любопытное. В девяностых годах барон побил все мыслимые рекорды по части путешествий – колесил по миру буквально не вылезая из самолета. Вообрази, ездил даже в Антарктиду, четырежды. Никакой это не туризм, не похоже: прилетел в Лондон, провел там сутки, оттуда сразу в Чили, два дня в Сантьяго, потом в Канберру, из Канберры в Гонконг. И так далее. Всегда арендовал небольшие реактивные самолеты, фирм, предоставляющих подобного рода услуги, на Западе хватает...

– Активный старичок, – покачал головой Славик. – Он что, очень богат?

– Не то слово. Состояние плюс недвижимость оцениваются в два с небольшим миллиарда Евро, можешь пересчитать, сколько это в долларах...

– Откуда такие немислимые деньги у потомка нищего эмигранта?

– Что-то Фальц-Фейны после революции смогли вывезти, – сказала Алёна. – Немного, конечно. В тридцатые годы Альберт работал спортивным журналистом, во время войны отсиживался в безопасном Вадуце, держал магазин сувениров – пивные кружки, куклы и прочая дребедень. В начале пятидесятых неожиданно разбогател. Налоговые претензии ему никогда не предъявлялись, ни одного судебного процесса или газетного скандала, репутация безупречная. Спрашивается, откуда взялись два миллиарда?

– Ну и откуда?

– Понятия не имею. Ничего не нашла! Шито-крыто. На бирже он не играет, акций «Майкрософт» в активе нет, наркотиками и оружием наверняка не торгует. Развлекается благотворительностью, за что получил несколько орденов, включая французский «Почетный легион». Прямых наследников у барона нет. Подводя итоги: твоя бабуля дружила с очень странным человеком.

– Да она мне и не бабуля по большому счету...

– То есть как? – опешила Алёна. – А кто?

– На старости лет мадам Кейлин вышла замуж за моего двоюродного деда. Вместе прожили года четыре, потом дед умер. Вот и всё. Она не кровная родственница.

– Ты хочешь сказать, будто чужая тетушка запросто отписала тебе шикарную квартиру на Мойке? Н-да, чудеса в этом мире все-таки случаются...

– Еще какие, – многозначительно ответил Славик, успевший за последние дни получить к слову «чудеса» стойкую аллергию. – Вернемся к барону. Почему ты считаешь его «странным»? Миллиардное состояние и пристрастие к путешествиям ни о чем не говорит – вдруг человеку просто нравится летать на самолетах?

– Где открытки, которые я отложила?

– На полочке. – Славик встал и дотянулся до почтовых карточек. – Зачем тебе?

– Даты, – Алёна постучала холеным ногтем по открытке, на которой значилось: «Открылось в Барселоне. ФФ». – Память у меня отличная, грех жаловаться. Штемпель. Седьмое апреля двухтысячного года, верно? Это последнее такое сообщение, отправленное обыкновенной почтой, вероятно, потом бабушка обзавелась Интернетом, как-никак двадцать первый век. Вчера я проверила базу данных немецкой фирмы «Kdln-Interluft», где барон обычно заказывал самолеты... Никаких ошибок: седьмого числа вечером Фальц-Фейн вылетел чартером из Вадуца в Барселону, где провел пять дней. Затем вернулся обратно в Лихтенштейн.

– И? – Славик никак не мог уяснить, к чему клонит эта чересчур дотошная девица.

– Осталось поднять онлайн-архивы испанской и, в частности, барселонской прессы за период от седьмого до двенадцатого апреля двухтысячного и посмотреть, о чем писали газеты.

– Да никакой ты не филолог, ты мент!

– Не хами. Для тебя же стараюсь. Испанский я знаю лишь на бытовом уровне, но и этого хватило, чтобы выяснить: в политике и экономике тогда ничего экстраординарного не происходило, светская хроника разнообразием не блистала, в культурной жизни весенний застой. Какой раздел мне пришлось изучить от и до? Отгадаешь с трех попыток?

– Уголовка? Происшествия? – мигом догадался Славик.

– Ты умнее, чем хочешь казаться. Именно! Если не веришь, вот распечатки. – Алёна вытащила из сумочки сложенные вдвое листы, передала Славiku. Посмотрел, безразлично пожал плечами – единственными известными ему испанскими словами были «мучачос» и «хихо де пута».

– Заголовок крупно, на первой полосе: «Чудовищная серия убийств в центре Барселоны», утренний выпуск, восьмое апреля. Далее: «Полиция воздерживается от комментариев», «Кровавый след маньяка», «Девять изуродованных жертв». Каково?

– Наш дедуля?!. – У Славика челюсть отвисла.

– Окстись! Первые убийства были совершены в течение седьмого числа, барон прилетел в Испанию в ночь на восьмое. По-твоему, девяностолетний старец способен разорвать в клочки другого человека?

– Не знаю, опыта в этой сфере у меня нет. Дальше?

– Восьмое апреля – полдюжины убитых, девятое – четверо, десятое – семеро и еще двое одиннадцатого. Всего двадцать восемь погибших, и умерли эти люди... гм... неприятно. В городе тихая паника, муниципалитет ввел комендантский час – поверь, для крупного европейского центра это чрезвычайный шаг! Равно как и ограничение свободы прессы. «В целях содействия расследованию» журналистам начали затыкать рты и закрыли доступ к информации. Утром двенадцатого объявлено: преступник найден, им оказался какой-то сумасшедший, который – вот ведь неприятность! – неделю спустя повесился в тюрьме. Во второй половине того же дня Фальц-Фейн отправляется домой. Обычное совпадение?

– Не верится, – отозвался Славик. – Вдруг он какой-нибудь эксперт, криминалист?

– Смеешься? Бывший спортивный обозреватель и торговец сувенирами? Миллиардер-меценат? Заметь, я проверила только по одной дате, а если копнуть глубже? Что именно «открылось в Барселоне»? И почему барон известил об этом твою родственницу? Почтовой открыткой? Мог бы и позвонить...

– В квартире почему-то нет городского телефона, – сказал Славик. – А восемь лет назад сотовые в России были дорогой редкостью... Черт знает что!

– Полностью поддерживаю, – согласилась Алёна. – Хоть убей, я не могу углядеть логической связи между серией неимоверно жестоких убийств в Испании и питерской старуш-кой-театралкой.

– Что значит «неимоверно жестоких»? Подробности в газетах печатали?

– Только первые дни, потом ввели цензуру. Пожалуйста. – Алёна взяла один из листов. – Тело сорокалетней матери троих детей Эвиты д'Альбано было обнаружено в подвале дома по улице Санто-Доминго... Так, это неинтересно... Вот: у жертвы удалены сердце, селезенка и обе почки, ампутирована правая рука, снят скальп... В прочих случаях примерно то же самое, иногда и похуже. Их разделявали, как на бойне. Нестыковочку замечаешь?

– Естественно. Один-единственный человек не сумел бы выпотрошить за день сразу девятерых. Я хорошо знаком с хирургией и знаю, что наш организм – довольно крепкая штукавина. Неужто версию с «сумасшедшим» газетчики проглотили?

– Упомянуто, будто маньяк обладал редкой физической силой. Убийства прекратились в день его ареста. Люди были очень напуганы, страх не лучшее подспорье для логического мышления. Поверили, конечно. А после самоубийства подозреваемого журналисты начали мусолить другую тему: якобы его повесили тюремщики – смертная казнь в Испании отменена, людоед получил бы пожизненное...

– Людоед?

– На некоторых телах обнаружены следы зубов. – Алёна поморщилась. – Фу, гадость... Как тебе история?

– Ничего не скажу, любопытно, – проворчал Славик. – Имя барона в газетах упоминалось?

– В том-то и дело, что нет. Ни звука, ни намек. Заслуги в поимке маньяка принадлежат барселонской полиции и особой группе следователей из Мадрида, приехавшей в город на второй день... Будешь еще кофе?

– Давай, – кивнул донельзя озадаченный Славик.

Нехороших тайн прибавлялось с каждым днем. Бабуля-тусовщица, Дверь, сокровища в «Альфа-банке», открытка, неким чудесным образом связанная с резней в Барселоне. Голова кругом!

– Ты работаешь в программе Excel? – спросил Славик возившуюся с туркой Алёну. – Удалось запустить компьютер в гостиной, поможешь кое в чем разобраться?

– В чем именно?

– Следующая часть бабушкиного наследства. Полно таблиц, большинство записей на английском, каждый файл пронумерован – вроде бы по годам. С тысяча девятьсот шестидесятого по две тысячи двенадцатый.

– Как ты сказал? – Алёна резко развернулась на каблуке. Сапоги в доме она опять не сняла, придется отучать. – А ну пошли! Кофе потом!

Открыла папку «Мои документы», быстро нашла файл с именем «2000», загрузила. Нетерпеливо пробежалась взглядом по строкам.

– Аахен, Амстердам, Антверпен... Есть! Барселона! Друг мой Вячеслав, держитесь за что-нибудь твердое, упадете! Смотри очень и очень внимательно, четырнадцатая строка!

Таблица разбита на шесть столбцов. В первом название города, затем дата, время по Гринвичу, географические координаты с точностью до секунды, пятый столбец пустой (напротив стоящего на пункт ниже Бирмингема, наоборот, проставлена галочка), в шестом новая дата. В целом строка выглядела следующим образом:

**Barcelona. 07/04/2000. 13:28 PM GMT.
41°23'16" N; 2°11'27" E.??/1116 AD**

– Ты доказательств хотел? – зачарованно сказала Алёна. – Седьмое апреля двухтысячного, половина второго дня Гринвича...

– Каких доказательств? – Славик почесал в затылке. – Кстати, что за аббревиатура «AD» в последнем столбце?

– Тысяча сто шестнадцатый год Anno Domini, в переводе с латыни «от Рождества Христова», – машинально ответила филологесса и вдруг осеклась. Медленно сняла очки. – Чего-о?..

В заголовке столбца значилось английское «Where to/Direction» – «Куда/Направление».

* * *

Алёна повела себя загадочно – внезапно потеряла всякий интерес к содержимому компьютера, наспех оделась, потерянном голосом сказала: «Я обязательно перезвоню завтра» и ушла, вновь не записав номер телефона Славика. Что произошло, осталось непонятным – не похожа она на девушку с нежной ранимой психикой, такие в парижках-лондонах не приживаются, там акуля хватка нужна. Звериный мир чистогана, как говаривали во времена ранней юности Славика; отечественная офисная моль и в подметки не годится способным вкалывать до посинения монстрам из Настоящих Больших Компаний, каковой Google, несомненно является.

Времени до вечера оставалось предостаточно, а занять себя особо нечем. Изучать непонятные таблицы смысла не имеет, все одно в длинном списке городов и координат ничего не понять. Включил телевизор, пролистал каналы. Истинно красные оттенки от «Лонда-колор», Петросян, Зверев и венесуэльский сериал не вдохновили, вырубил с отвращением. Заглянул на ту сторону – уже без лишних опасений, – покормил свинок, подбросил в клетку свежей травы.

Один момент! Неужели дымом пахнет? Очень тонко, едва ощутимо? Нет, показалось.

В отдалении гроыхнуло, на западе кучевые облака, собирается гроза. Придется Мастеру с Маргаритой пережить природный катаклизм, ничего, не промокнув – клетка надежно укрыта, камера выключена. Когда здесь стемнеет, надо будет поставить в режим ночной съемки, вдруг ночная жизнь Мира-за-Дверью более активна?

Ветер усилился, и Славик понял, что кроме лесных ароматов в воздухе разлит запах влаги. Не болота, а именно большой воды – как на берегу Финского залива или Ладоги. Гляньте только, в предгрозовом небе летают белые чайки, значит, и вправду рядом крупный водоем! Надо проверить!

– Не скучайте тут, – посоветовал Славик морским свинкам. – Попозже еще разок навешу.

Ни завтра, ни послезавтра Алёна не зашла и не позвонила, а ведь могла взять номер у Натальи.

* * *

...План длительного похода туда зрел третьи сутки, впрочем, «длительность» была весьма относительной – предполагалось отойти от Двери не больше чем на километр-полтора, описать полный круг и сразу вернуться. Обзорная экскурсия по местности без определенной цели. В программе максимум – найти следы деятельности человека, хотя бы ржавую консервную банку или кострище, минимум – посмотреть, что представляют собой окрестности.

Обеспечивать собственную безопасность придется серьезно, а это новые траты, причем немалые... Нехорошо выйдет, если однажды в гости зайвится вежливый тип адвокатского облика в костюмчике-галстучке (таких Славик на дух не переносил) и потребует вернуть денежки, позаимствованные в банковской ячейке. Интуиция, однако, подсказывала – вероятность такого визита стремится к нулю, деньги и золото принадлежат Славику, в качестве бесплатного (вот смех!) приложения к квартире и, прежде всего, к Двери. Дверь – тот стержень, вокруг которого вращался странноватый мирок Людмилы Владимировны.

В конце концов, если бы та сторона несла реальную угрозу, мадам Кейлин должна была оставить предупреждение, предостережение. Пока ничего не говорит о том, что из-за Двери в любой момент могут нагрянуть озверелые хемули с муми-троллями.

Тем не менее надо быть осмотрительным, Дверь сама по себе жутковатый феномен, а если вспомнить сегодняшние откровения Алёны про...

Стоп. Не забивай голову всякой ерундой. Если боишься, сходи в Большой дом на Литейный и напиши заявление в ФСБ – так, мол, и так, вступил во владение квартирой, где нашел удивительную Дверь. Пришлите собаку с милицией. И пять мотоциклов с пулеметами для поимки иностранного консультанта фон Фальц-Фейна.

Исход предсказуем: принудление в Сковорода-Степанова. А кормят там ужасно.

Все равно однажды придется кому-нибудь рассказать, нельзя хранить такой секрет в гордом одиночестве – вдруг завтра кирпич на голову упадет, а преемник отсутствует...

Преемник? Значит, вот кто я на самом деле?

Только преемник чего? И чей?

* * *

– Километр сто двадцать пять метров, – Славик посмотрел на шагомер и включил диктофон коммуникатора. – Направление на север. Берег широкой реки, слегка заболоченный. Река течет с востока на запад, разделяется на три или четыре рукава, отсюда плохо видно... Пойду вдоль берега налево на аналогичное расстояние. Основная примета – выветрившийся скальный выход, формой похож на голову крокодила или ящерицы.

Человек в зелено-буром «лесном» камуфляже и черном бандане стоял на вытянутом камне, действительно напоминавшем морду гигантской рептилии. Поляна и Дверь остались за спиной, в четверти часа спокойной ходьбы. Каменюка вдавался в спокойную полноводную реку подобно лодочной пристани.

На противоположном берегу – низины с тростником и чахлыми кривыми березками, за ними темно-зеленая полоса елового леса. Чуть дальше и правее от основного русла отходили более узкие рукава. Видны темные завалы топляка, километрах в полутора к северо-востоку – небольшой остров с пологим холмом посередине.

– Батюшки, тюлени... – ахнул Славик, углядев движение на реке. Сначала решил, что видит крупных (слишком крупных!) рыб, поднес к глазам бинокль и понял, что против течения плывут шесть темно-серых нерп. – Ну дела!

Других животных он пока не видел, зато оценил количество диких птиц: неподалеку от Двери прямо из-под ног взлетел громадный черный глухарь, напугавший Славика до полу-смерти – уж больно здоров и шумен! Кукушки перекликались постоянно, сразу в пять-шесть голосов. Всякой мелочи вроде синичек кругом порхало великое и явно непуганое множество.

Маршрут Славик определил простой и удачный – по компасу (компас здесь работал идеально) точно на север, через тысячу шагов следовало повернуть к западу, потом следующая тысяча шагов... Не заблудишься. Вскоре после инцидента с глухарем Славик увидел просвет за деревьями, решил пройти немного дальше и очутился возле реки. Великолепно, ориентир найден – да какой!

Чем ближе к берегу, тем больше бурелома – если вокруг поляны с ведущими обратно двумя валунами лес был чистенький – березки да немного сосен, то уже через полкилометра начали попадаться полусгнившие вековые стволы и валежник, наверняка принесенные рекой во время половодья. Кое-где приходилось обходить болотины, затянутые ряской черные ямы. Под подошвами ботинок хлюпало.

Дважды Славик нашел помет косули или оленя, катышки. В отдалении цокала невидимая белка. Лес не выглядел агрессивным, разве что слегка мрачноватым. Ненужных опасений бравый исследователь Мира-за-Дверью не испытывал, чувство опасности не просыпалось.

Ну и зачем было тащить с собой едва ли не центнер самого разного снаряжения? Обвешался гаджетами, как последняя шлюха!

...К первой дальней вылазке на ту сторону Славик подготовился с основательностью начальника генерального штаба, разрабатывающего план ведения войны с недружественной державой. Истратил на амуницию почти сорок тысяч – он и прежде любил съездить в Кузнечное на Малые Скалы или пройти на байдарках по Вуоксе, однако никогда не подходил к вопросу технического обеспечения с такой дотошностью. Обычно брал еды на три дня, нож с лопаткой, старую палатку-брезентуху (купить новую руки не доходили) ложка-миска плюс сотовый. Потеряться в Ленинградской области способны только распоследние лузеры, в каком направлении ни пойдешь, обязательно наткнешься на железную дорогу, автотрассу или деревню! В крайнем случае всегда можно позвонить в МЧС, хватило бы заряда на мобильнике!

Давайте рассуждать здраво: никакого МЧС на той стороне скорее всего нет, а если и есть, то где-нибудь очень далеко. Рассчитывать придется только на собственные силы, северокавказская идея «чучхе» в концентрированном виде – что бы ни случилось, ты обязан быть готов к любым неожиданностям и противостоять им! А что для этого требуется? Верно: средства ориентирования в пространстве и наблюдения, надежное оружие и качественный сухпак.

Сказано – сделано. По нынешним временам купить можно всё, были бы деньги – чего-чего, а этого добра в «Альфа-банке» хватит надолго. Шиковать незачем, только самое необходимое, простое и безотказное. Минимум электроники – зарядник в пень втыкать будешь? Хотя инфракрасный визор, ПНВ с тройным комплектом аккумуляторов, вещь хорошая и нужная. Никакое это не пижонство!

Остается открытым вопрос с оружием. Связываться с огнестрелом Славик категорически не желал, а вот хорошую травматiku достать можно через Серегины знакомства. Выбор оружия холодного немаленький, тут надо подойти с умом...

Добавим в список новый рюкзак, минимальный набор медикаментов (без проблем – Славик держал в доме полную реанимационную аптечку, привычка времен работы в ВМА), личный камуфляж взамен поистрепавшегося «домашнего» – вроде нормально?

Ты чего, собираешься в пеший поход Питер—Владивосток?

Запас карман не тянет.

Не пригодится сейчас, оставим на будущее. Дверь в обозримой перспективе явно никуда не поддается!

От последней мысли Славику стало чуток не по себе.

* * *

Последний и самый важный гаджет Славик добыл в навороченном спортивном магазине на Загородном – ходили вместе с Серегой, он и выбирал, как бывший профи. Американский набор для ориентирования, «охоты на лис» – дорогой, ужас! Зато компактный: сам передатчик-«лиса» размером не больше книги обычного формата, и три приемника, каждый не превосходит габаритами обычный сотовый телефон. Радиус приема сигнала восемь километров, батареек хватает на двенадцать часов непрерывной работы.

– На старости лет решил спортом заняться? – язвил Серега, по молодости увлекавшийся «охотой» лет пять подряд. – Ну зачем тебе эта игрушка? Деньги тратить не на что? Ты только посмотри, сколько она стоит!

Славик взглянул на ценник с четырьмя нулями и тихо вздохнул. Сейчас нет смысла пускаться в объяснения.

– Хочу подарок на Новый год, – неуклюже соврал он. – Отнес в комиссионный кое-что из бабкиного антиквариата.

– До Нового года больше месяца, – известил Серега. – Короче, дело твое. Если и дальше так пойдет, скоро квартиру пропьешь... Зачем тебе американский набор? У них все наоборот, только одна «лиса» и несколько приемников. Купи наш, в три раза дешевле и учиться будешь правильно...

– Этот мне больше нравится. Какая разница, по какой системе учиться ориентированию, по американской или русской?

– Очень большая. – Серега едва не сплюнул и пошел тиранить менеджера магазина.

Съездили в Сосновский лесопарк, испытали, работает отлично, помехи приемники отсекают.

– Весной побегаем на Вуоксе, – посулил Славик, которому никак было не избавиться от смущения. Серега посматривал не без подозрений, чувствовал что-то нехорошее. – Ты не забыл про ключи у соседки?

– Надо будет – возьмем. Моя остановка, до встречи...

Двери вагона метро захлопнулись.

Пушай Серега думает что угодно. Время посвятить его в ма-аленький секрет квартиры пока не пришло. Для начала окончательно убедимся в неопасности Мира-за-Дверью и только потом начнем водить туда экскурсантов.

* * *

Славик сбросил рюкзак и присел на нагретый солнцем приречный камень. Перекурил. Выдвинул антенну приемника, проверил устойчивость сигнала – в наушниках успокаивающе

попискивает, «лиса», подвешенная к ветке сосны на окраине поляны, извещает, что все в полном порядке. Взялся за бинокль, заново оглядел северный берег реки. Признаки цивилизации отсутствуют напрочь: ни дымка, никаких строений.

Пойдем дальше? Хватит расслаживаться.

Двигаться на запад вдоль берега было трудно – бурелом, топкие участки, непроходимые заросли серебристой ивы. Пришлось свернуть глубже в лес, в ельнике земля твердая и не цепляешься через каждый шаг за ветки.

Нежданно-негаданно обнаружил тропку – да неужели?! Люди?

Славику приходилось задумываться о возможной встрече с туземцами и ее последствиях. Разумеется, местные жители должны быть людьми и никем более: земные глухари, тюлени и сойки никак не ассоциируются с инопланетными зелеными человечками из «Секретных материалов». Это однозначно Земля, а на Земле спокон веку обитает человек...

Другой вопрос, насколько доброжелательны окажутся аборигены к гостю из-за Двери – чужак всегда подозрителен и потенциально опасен. Если не удастся договориться и вступить в контакт, придется немедленно отступать на исходные позиции, попросту уносить ноги.

Замечтавшегося Славика постигло разочарование: тропа звериная, на влажной земле отпечатки копытцев кабана, кучки навоза, стволы молодых деревьев понизу обглоданы. На водопой к реке ходят, вероятно.

– Ой... – Славик аж присел. – Что это?..

Глубины леса внезапно породили низкий стенающий звук. Не вой, не птичий крик, а именно звук – вибрирующий, очень неприятный, будто стекающая в слив ванны вода проходит по трубам. Только стократ громче.

У-УАПП-АА...

Потом плач, настоящий плач обиженного капризного ребенка, визгливый и неистовый. Оборвался он внезапно, несколько секунд стояла абсолютная тишина – куда-то исчез шелест листьев, птицы умолкли – и снова:

УОО-УПП... Слабее и слабее, затухая с каждым мгновением.

Сказать, что Славик испугался, значит, сильно преуменьшить: он застыл от ужаса. Никогда в жизни не слышал ничего более зловещего и угрожающего, тем более что звук неким странным образом протолкнулся в мозг и загудел в голове, уши слегка заложило – будто в снижающемся самолете. Вибрация ощущалась физически, нехорошо заныли зубы, по коже пробежал морозец – и впрямь стало ощутимо прохладнее!

Ни одно известное Славику живое существо не могло кричать подобным образом, этот звук природе не принадлежал. Некий механизм? Выброс пара на ТЭЦ? Ты спятил?

Славик встряхнулся, положил ладонь на рукоять мачете – простое, но действенное и опасное холодное оружие, пригодное и для лесных походов, и для самообороны. Уверенности этот бессмысленный жест не придал: та штука, которая рычала и плакала в чащобах на юго-востоке – направление, откуда истекало жуткое УООУА, Славик определил четко, – вряд ли испугается заточенной железяки с пластиковой ручкой. И одолженного у Сереги травматического ПМ тоже не испугается!..

– Спокойно, – нарочито громко сказал Славик. – Ничего особенного. Перемещение водных пластов в болотах, атмосферное явление. Взрыв шаровой молнии, например.

«Ты сам-то в это веришь? Взрывающиеся шаровые молнии способны рыдать, будто рабыня Изаура?»

Без паники. Звуки, пускай и на редкость противные, еще никому вреда не причиняли. Проверим «лису». Сигнал поступает. Компас? Норма, стрелка указывает на север. Шагомер? Три тысячи четыреста восемь, как и должно быть...

Но все-таки, что это было?

Славик полез в боковой карман куртки, нащупал фляжку с коньяком, отвинтил крышечку. Три глотка, сигарета. Все нормально, с чего ты вдруг едва штаны не намочил? Взрослый мужик, а нервы, как у барышни из Смольного института!

Самовнушение не помогло. Лес изменился, и не замечать этого означало врать самому себе – в хвойной чаще всегда полутьма, но сейчас складывалось отчетливое впечатление, будто наступают вечерние сумерки. Нет-нет, солнце не закрыто облаками, просто... Просто...

Вот зараза!

Река оставалась в четверти километра по правую руку, прибрежная полоса покрыта густым подлеском, по краю которого и шел Славик. Слева, наоборот – ровный строй вековых елей, покрытые кустиками черники кочки, редкие невысокие рябинки. Лес отлично просматривается. Если сойти с кабаньей тропы и ломануться напрямик, ориентируясь по «лисьему» сигналу, до Двери будет меньше двух километров...

Но именно с той стороны накатывала волна, смахивающая на полосу горячего воздуха, поднимающегося летом над прогретым асфальтом. Очертания деревьев на миг размывались и уходили в «тьень» – другого определения этому явлению Славик подобрать не сумел. Похоже на воздушную ударную волну ядерного взрыва, как ее обычно показывают в фильмах-катастрофах. Однако «тьень» двигалась несравнимо медленнее, со скоростью велосипедиста.

Бежать некуда и незачем – обернувшийся Славик заметил наползающий вал слишком поздно, когда до него оставалось меньше полусотни метров. Болотный газ? Отравляющие вещества? Гос-споди...

Славик стиснул зубы, ожидая любых, самых нехороших последствий. Ничего особенного не случилось – волна накрыла человека и пошла дальше, к реке. По одежде и приборам скользнули белесые искры статического электричества, сжимавшие приемник «лисы» пальцы кольнуло.

«Тень» не изменила никаких параметров внешней среды, в этом Славик немедленно удостоверился. «Лиса» пищит, как и раньше, фотоаппарат и компас работают. Да, стало заметно темнее – это было сравнимо с гигантским фотофильтром, надетым на солнце; светило теперь не грело, его лучи, достигавшие земли под вершинами многометровых елей, стали тусклыми, не золотистыми, а беловатыми. Яркая зелень растений исчезла, замесившись цветом хаки в смеси с коричневатым и серым – мир скатился к границе монохромности. Пропала острота запахов.

Чудеса в решете.

Приготовившийся к худшему Славик поморгал, ткнул рукой в ближайший ствол – под пальцами оказалась привычная шершавая кора, – сорвал несколько иголок, прожевал. Обычный вкус хвои.

Хватит на сегодня приключений! Надо спешно возвращаться, «тьень» выглядит до крайности подозрительно! Надежнее всего будет развернуться, добраться до скального выхода на берегу и потом топать по известному пути – на деревьях оставлены зарубки, не промахнешься.

Или все-таки по прямой? Целенаправленно, на «лису»? Так гораздо быстрее!

Прежде всего без суматохи, оступишься, упадешь, сломаешь ногу и будешь подобно летчику Мересьеву ползти к Двери по укрытому «тенью» лесу. Вдохнул-выдохнул, пошел! Блин, сказано – осторожно!

Подошва соскользнула по подгнившему пеньку.

«Лиса» четко сигнализировала – идешь правильно, писк передатчика в правом (левый был сброшен) наушнике усиливался. Издалека снова накатило чудовищное урчание, но гораздо тише, чем в первый раз, – Славик все одно остановился, привалившись спиной к стволу многоохватной ели. Переждал.

Сердце стучит вдвое быстрее против обычного, в висках жилки колотятся. Состояние не лучшее, начало подташнивать – это, конечно, нервное. Или в воздухе действительно отрав?

А что за мушки летают между деревьев? Черные, бесшумные крошечные пятнышки? Нет, это не мушки и вообще не насекомые – непроглядно-темные хлопья, вроде снежинок. Галлюцинация? Тоже неверно, одна «снежинка» легла на правую кисть руки, кожу резко обожгло холодом.

Быстро, быстро! Отсюда надо уходить.

А если Дверь внезапно закрылась? Только не это! Здесь стало очень неудобно!

Славик едва не напоролся животом на толстенную сухую ветку, отшатнулся и вдруг понял: он возле поляны! Знакомая сосна! На следующей висит «лиса». Вот зарубка на березе! Сейчас левее... Тьфу, направо!

Точно. Цепочка валунов, а за ними...

Над лесной лужайкой кружил вихрь жгучих снежинок, вселенная окончательно стала черно-белой, различимы только оттенки.

Последний рывок! Осталось шагов тридцать-сорок!

Нечто повернуло к Славику тяжелую, в складках, морду.

Ярко-розовая пасть была единственным цветным пятном в потерявшем краски мире. Лепесток ядовитого растения на блеклой старой фотографии. Капля чужой реальности в обесцветившейся Вселенной.

Холодно. Боже, как холодно...

* * *

У человеческой психики есть полезная особенность: в экстремальных ситуациях течение времени несколько замедляется – выброс адреналина стимулирует работу мозга, химический обмен в нейронах происходит гораздо стремительнее, отсюда и субъективное ощущение «заторможенности» происходящего, это Славик помнил еще с курса физиологии. Вот и сейчас ему показалось, что на прогалине разворачивается сценка из некоего мультика, созданного обезумевшими режиссером и художником, человек в здравом уме ничего похожего создать не может – впечатление усиливало отсутствие цветов, силуэты будто тушью и простым карандашом прорисованы. Движения медленные-медленные, как при покадровом просмотре...

Их было двое – человек и зверь. Со стороны Двери застыл бородатый мужик с рубахе с подвернутыми рукавами и шароварах в складку, голени туго обмотаны тесьмой или ремешками. В каждой руке по прямому ножу, справа подлиннее, слева короткий. Ноги расставлены и чуть согнуты в коленях, будто к прыжку изготовился, руки широко разведены, лезвия кинжалов смотрят вниз – обратный хват, таким пользуются опытные охотники...

Тем более, охотиться есть на кого.

На незнакомца Славик обратил минимум внимания, ну человек и человек – словно и не было горячего предвкушения встретить здесь аборигена. Человек, пусть даже и выглядевший в нежданно изменившемся мире довольно необычно, – нарисованная фигурка со старинной гравюры, – оставался существом привычным и насквозь знакомым. А вот его противник...

На самом деле зверюга с розовой пастью взглянула на Славика лишь на мгновение, которое для него растянулось не меньше, чем на минуту. Этого вполне хватило, чтобы твердо осознать: таких животных не бывает. Не существует. Не должно быть!

Размером оно было с некрупного медведя, только стать иная – в холке чуть поболее метра, лапы не прямые, а как у ящерицы, с выраженным локтевым углом. От толстой шеи до коротенького хвостика по хребту идет полоса вздыбленных игл, словно у дикобраза. Могучие лапищи с четырьмя когтями и выгнутой «шпорой», по бокам голая шкура. Треугольная бугристая голова, шерсть – короткая и остистая – только на брюхе и груди. Клыков не видно, вдоль челюстей сверху и снизу идут светлые роговые полосы, смыкающиеся подобно «клюву» черепahi.

С безобразной внешностью зверя еще можно было бы примириться. Хуже другое: от уродины волнами исходила какая-то погань, грязь, от нее в буквальном смысле этого слова «фонило». Разум затуманивался, сфокусировать зрение никак не получалось, это напоминало сильное опьянение, только значительно хуже – страшилище излучало чистую, ничем не замутненную слепую ненависть, холодную и нескончаемо безжалостную.

Славик понял, что прямо сейчас потеряет сознание. Затем гарантированная смерть – Славик осознал эту истину с абсолютной четкостью. Инстинкт самосохранения исчезал, истаял, человеку становилось все равно, что с ним произойдет потом, хотелось заснуть и не просыпаться, только бы избавиться от этого кошмара наяву.

(Почему именно наяву? Мир не может быть черно-белым!)

Ухватившись за ствол сосны, Славик попытался устоять на ногах. Получилось плохо, колени подгибались, ощутимо вело в сторону, как при сильном головокружении, еще полминуты и...

Осталось последнее средство. Славик поднял левую руку и что есть силы вцепился зубами в предплечье, чуть повыше сустава. Прокусил камуфляж, на языке солоноватый привкус...

Его вышвырнуло в реальный мир – мгновенно, как программу на телевизоре переключили. Окружающее вспыхнуло ярчайшими сочными цветами, в глаза ударили солнечные лучи, вернулись запахи и звуки. Наваждение сгинуло.

– ...Твою мать! – Славик ошарашенно посмотрел на рукав, по которому расплывалось темное пятно крови. Больно до невероятия, чуть сам от себя немаленький кусочек не оттяпал! Любительский канибализм. – Что ха хрень?..

Ой-ой, а вот это совсем плохо: черные снежинки исчезли, вернулось нормальное зрение, да только страшилище с игольчатым гребнем на спине осталось на месте, причем стало куда материальнее, чем прежде – коричневая с грязно-белыми лишайными пятнами шкура, покрытая наростами хара с красноватыми глазками, болезненно-желтая шерсть с черными иголками на отвислом животе. И все равно от зверя «фонит», не столь резко, как раньше, но чувствительно. Добавим сюда мерзейшую вонь, напоминающую запах подгнивших овощей и закисающей браги.

Дальнейшие события начали развиваться с невероятной быстротой. Зверь потерял интерес к Славику и сосредоточился на вооруженном ножами бородаче. Тот прыгнул первым, стараясь вонзить более длинный клинок в основание черепа тварюги, однако ничего не вышло – уродина извернулась с необычной для ее размеров стремительностью, взмахнула правой передней лапой, зацепив когтями плечо человека, упала на бок и оттолкнула бородатого к валунам. Тем самым, красному и сероватому. Встала на лапы, встряхнулась будто собака, попятилась в сторону. Поднялись тяжелые губы-брыли, обнажившие зазубренные пластинки, заменявшие зверю клыки.

Человек шевельнулся, попробовал опереться на локоть, снова упал. Кажется, серьезно покалечен...

Было это наитие или четкий расчет, Славик впоследствии ответить не мог. Скорее, расчет. Он находился ближе к Двери, впереди никаких препятствий, цепочка ледниковых камней остается справа, именно к ней отошел зверь. Может, в драке чудище и проявляет редкую ловкость, но соображает медленно – любой нормальный хищник бросился бы вперед и добил жертву, а этот выжидает.

Надо попробовать, похоже, это единственный выход. Нет никакого желания оставаться здесь один на один с тварью, похожей на неопрятную помесь дикобраза, ящерицы и медведя – сначала она добьет бородача, а затем примется за...

Потом, потом думать будем! Быстро! У меня хорошая фора, метров двадцать! Рюкзак сбросить! Приемник тоже, мешает! Мачете потом подберем, лишняя тяжесть на поясе...

Зверь повернул морду к Славику. Оскалился. Глаза у него, оказывается, не красные, а пульсирующие – розово-оранжевый огонек.

Три, два, один. Пошел!

Так Славик не бегал лет восемь, со времен армии – тогда на стрельбище что-то случилось с минометным снарядом, он просто шикнул, вылетел из ствола и упал в двух метрах от позиции. Не взорвался, но Славик пришел в себя на порядочном расстоянии от миномета, метров сто пятьдесят. Как он там оказался, не помнил, однако сослуживцы, наблюдавшие за происшествием со стороны, в один голос рассказывали: младший сержант Антонов, вместо того чтобы укрыться в окопе (как сделал весь расчет), пренебрег инструкцией и пулей помчался к наблюдательному пункту, где и попал в объятия командира роты. Два мировых рекорда, и это в очень скромном приближении. Плюс наряд впоследствии.

Зверь отреагировал на бросок позже, чем следовало. Славик успел подбежать в валунам, схватить за грудки стонущего человека (блекло-синяя льняная рубаша немедля порвалась), забросить его в предполагаемое пространство «перехода» между валунами и прыгнуть следом.

Дверь была открыта, ничего не изменилось.

Славик понял, что зверь успел его коснуться – расслышал звук распарываемой когтем ткани. Квартира содрогнулась от удара с той стороны, но зверь не прорвался, промахнулся. Приземлившись на паркетный пол Славик впихнул туда кирпич-«предохранитель» и саданул ногой по Двери. Захлопнул, оттолкнулся правой рукой, нащупал ключ, дважды провернул.

Оттуда пришло еще два удара, послабее. Потом все затихло. Дверь не повреждена.

Ф-фу.

Глянул на левое предплечье, поморщился – с рукава капала кровь. И что значительно хуже, нарукавный карман камуфля украшал легкий налет инея, на глазах превращавшийся в капельки воды. Неужто все было взаправду – и черно-белый мир, и жгучий холод? Куртка сзади порвана, штаны на заднице тоже – зверь не дотянулся до человека на волосок! Немыслимо!

На лицо упали неприятно-теплые капельки, немедленно вернувшие Славику к реальности.

– Едрить-то вас через... – на одном выдохе Славик изверг пулеметную очередь не самых корректных идиом – так умеют ругаться только военные или медики. – Ах ты сука!

Из располосованного когтями зверя локтевого сгиба развалившегося в прихожей бородатого типа тоненькой струйкой выбивался пульсирующий фонтанчик артериальной крови. Он же сдохнет через пять минут!

Где аптечка? Точно, в спальне! Бегом! Быстрее, мутила грешный!

Настоящая, привычная работа неожиданно успокоила – все отточено до автоматизма, «операционной сестре» дергаться и нервничать не пристало, чревато.

Славик мигом приволок старомодный алюминиевый ящик, такими пользовалась «скорая помощь» в семидесятих годах. Тяжеловатый, но эргономичный – все поместится. Для начала жгут, остановить кровотечение. Есть!

Темно! Включить свет в коридоре. Где зажимы и шовный материал с иглами? Отлично, на месте. Вытащить нож из кармана, разрезать рубашу, отбросить в сторону пропитанную кровью ткань.

Раздвигая поврежденные ткани, забираемся в рану, находим разорванную артерию, накладываем зажим. Теперь лигатура, перевязываем сосуд...

Прекрасно, просто великолепно – получилось с первого раза! Только бы у этого парня СПИДа не было, перемазался в кровяще сверху донизу, на мою же рану попало...

На здоровой руке бородача измеряем давление. Не особо хорошо, но терпимо – девяносто на шестьдесят. Теперь перетащить в спальню. Тяжеленный, сволочь. Момент! Сначала постелить на диван клеенку с кухонного стола! Сделано.

Капельница обязательно – в аптечке хранятся два полулитровых флакона, один с глюкозой, другой с обычным солевым раствором. Гормональные препараты немедленно – преднизолон. Обезболивающие плюс две последние ампулы с «Реланиумом» – теперь его хрен достанешь!

Пока хватит.

– Серега? Серега, ты?..

– А ты думал кто? – Динамик «Моторолы» породил Серегин голос. – Чего орешь как резаный?

– Слушай сюда. Помнишь я тебя от отравления паленой водкой лечил?

– Ну помню. А чего стряслось? Сам траванулся?

– Молчи, слушай! Бегом в аптеку, закупи семь-восемь флаконов с «водой» или глюкозой! И систем для капельницы! Стерильных бинтов штук десять! Сразу бери тачку и дуй ко мне! Вечер, пробок быть не должно. Деньги отдам. Ясно?

– Ясно, жди, – ответил Серега и положил трубку.

Это значило одно: через сорок минут, максимум через час Серега приедет. Он не задал лишних вопросов и не отказался помочь.

Не дергайся, обойдется.

– Эй, ты живой? – Славик похлопал по груди бородастого. – Слышишь? Ау?

Без толку, вроде он без сознания.

Славик вздохнул, распечатал флакончик с дезинфицирующим раствором для хирургических инструментов, налил синеватую жидкость в маленький хромированный лоток, бросил туда иглы и шовный материал. Подождал несколько минут, перевел дозатор капельницы из «струйно» в «капельно». Пока Серега не приехал, расходовать растворы будем экономно.

– По-моему, это перебор, – покачал головой Славик. – Ну и что теперь делать?..

Люстра в испятнанной кровью спальне сияла девятью лампочками, света достаточно для того, чтобы увидеть, насколько серьезно покровсали человека оттуда. Мышцы разорваны, кожа висит лохмотьями. Когти у зверя что надо.

Опыт не пропьешь. За сорок минут Славик аккуратно вычистил и зашил все раны. Шрамы будут некрасивые, никаких сомнений. Только бы без инфекции! Антибиотики дорогие нужны...

Домофон. Серега явился. С порога отдал пакет с растворами и выжидательно уставился на перемазанного кровью Славика. Взгляд очень тревожный – заметил темно-красные лужи на полу.

– Еще раз в аптеку, круглосуточная на углу Малой Морской и Гороховой, – непрекаемо приказал Славик, сунув в руку Сереги пятитысячную купюру и бумажку с записанными названиями препаратов. – На эти лекарства рецептов не надо. И... И пива купи, что ли. Вернешься – все объясню.

– Я тебя убью однажды, – процедил Серега. Развернулся, начал спускаться по лестнице. Славик закрыл входную дверь.

Отлично! Именно то, что надо! В пакете обнаружили солевой раствор и перевязочный материал. Как раз время менять последний оставшийся флакон!

Славик невольно вздрогнул, заметив, что очнувшийся бородач наблюдает за ним из-под полуприкрытых век. Глаза у него ярко-голубые.

– Лежи тихо и не дергайся, – Славик погрозил кулаком, жест известный любым народам. – Ясно? Иголку не вырви! С рукой у тебя полный звиздец. Понимаешь?

– Ек пей, – непонятно и едва слышно прохрипел гость.

И снова отрубился.

Теперь надо бы заняться собой. Славик обомлел, когда стянул камуфляжную куртку и отлепил ткань вместе с запекшейся кровью от кожи предплечья. Словно бешеная собака уку-

сила – оставленные зубами ранки кровоточат, вокруг распухло и посинело, всерьез болит. Самому антибиотиками полечиться надо в перспективе.

Новый звонок в домофон раздался, когда Славик промывал руку под струей холодной воды в ванной.

– Ну? – грозно спросил Серега. – Во что ты вляпался, дятел?

Глава третья

Код Да Винчи

...Вляпался – это слишком мягко сказано. Политкорректность у Сереги на высоте. Ко всему случившемуся и слово-то подходящее не подберешь!

Явление северного зверя песка состоялось – мирная прогулка на природе привела к форменной катастрофе, окончательно разрушившей привычное Славику тихое и замкнутое мироустройство – работа-дом-тусовка-работа. Мир стремительно катился в пропасть и первый вестник грядущего апокалипсиса валялся в спальней под капельницей.

Серега отроду не был чересчур впечатлительным человеком, однако вид доселе чистенькой и аккуратной прихожей нового жилища Славика (да и сам покусанный домохозяин) его пронял до печенок – нет сомнений, в квартире от души порезвился серийный маньяк или бешеный кабан.

Сорок минут прошли в тихой суматохе – пришлось перевязывать Славика, потом на пару драить коридор (на половые тряпки пустили старые тельняшку и футболку), розоватую воду сливали в раковину. Обои безнадежно испорчены, с ворсистой бумаги капли крови не ото-трешь, хотя на густо-малиновом фоне не особо и заметно...

Периодически Славик бегал в маленькую комнату – проверять, как обстоят дела у страшноватого видом светлоробородого незнакомца с замотанной бинтами рукой и плечом. Выглядел он скверно – бледная восковая кожа, темные круги под глазами, разводы плохо отмытой крови на груди и боку. Еще от человека странно пахло: дымом и рыбой, словно он долгое время жил за городом, в лесу; похожий запах исходит от одежды, которую носишь в долгом походе.

Серега матерился сквозь зубы, но действовал строго по указаниям взвинченного Славика (глаза у него горели невиданным прежде огоньком, во взгляде смешались азарт, недоумение и, как кажется, испуг) – вопросов задавать времени не было, сначала необходимо привести в порядок дом. Это нормально, если Славик и впрямь попал в тяжелый переплет, следует ждать визита товарищей в форме и с удостоверениями – кровавые пятна и отпечатки подошв на паркете моментально вызовут закономерные и навязчивые вопросы.

Что он натворил? Славик парнишка тихий, не любит он конфликтов и дурацких приключений, даже в ментуру попадал всего четыре раза в жизни и всегда из-за этого переживал!

– Хватит, перекур, – Славик осмотрел прихожую и только головой покачал. С виду чисто, но если присмотреться... Обои переклеивать надо. – Погоди, схожу гляну, как там... Ну этот...

Забегал в спальню, увидел, что осталось около половины флакона (уже четвертого), померил бородачу давление. Вздохнул:

– Скотина, обоссался... Серега, возьми две простыни в шкафу снизу. И чистые тряпки из ванной принеси.

– А за памперсами в аптеку не сбегать?

– Кстати, отличная мысль. – Славик не заметил сарказма. – Обязательно надо купить те, которые для взрослых – для лежащих больных... Ты пива принес?

– Газетку постели! – рявкнул Серега, увидев, как грязный по самые уши Славик собрался присесть на табуретку в кухне. – Стой! Сбрось все шмотки и засунь в стиральную машину! У тебя чистое есть?

– Есть, – тихо ответил Славик. – Дай перекурю. Это ж прямо конец света...

– Очень на то похоже, – рязьаренный Серега, не встретив сопротивления, отобрал у приятеля сигареты и зажигалку, заставил раздеться, едва не насильно загнал в душ. Приволок из гостиной спортивные штаны и зимний тельник с начесом. Разорванный и покрытый коричневыми пятнами подсохшей крови камуфляж Славика отправил в стиралку. Когда надо, он умел

быть сурово-заботливым, ну чисто фронтовой санитар. – Ты жрать хочешь? Отлично, я тогда яичницу сделаю... Пельмени есть? Еще лучше! Где, в морозильнике?

Хмурый, как туча, Славик прибыл на кухню через пятнадцать минут. Промокший бинт на предплечье пришлось немедленно менять.

– Рассказывай. – Серега поставил на стол две тарелки с отваренными пельменями и пластиковую бутылку кетчупа. Налил по стопке водки. – Что стряслось?

– Наследство, – прямо и честно ответил Славик. – Знаешь, ничего толком я объяснить сейчас не могу. Возьми, почитай. Я это писал в здравом уме и трезвой памяти.

Письмо лежало на столе, как обычно – под чайником. После недавней экспедиции Славик не успел убрать бумаги в ящик.

Серега молча взял листки, пробежался глазами по строкам. Скривил рот в скептической ухмылке. Минуту спустя построжал, залез к карман рубашки, вытащил аптечную сдачу – три с лишним тысячи, положил перед собой, задумался. Верно, последние дни Славик тратит очень много денег – один только набор для спортивного ориентирования стоил двадцать тонн!

– Значит, Дверь? – Серега внимательно поглядел на Славика. Отложил бумаги, встал и медленно пошел в коридор.

– Эй, ты чего! Не трогай! Там опасно! Мля, не трогай сказано!

Серега уже успел повернуть ключ и потянуть Дверь на себя.

– Вечера на хуторе близ Диканьки, – только и сказал обалдевший Серега. На той стороне солнце заходило, начинались сумерки. Всерьез опасавшийся зверя Славик ухватил друга за руку и попытался оттеснить в коридор. – Да отстань ты! Неужто всерьез? Нет, ну правда?

– Всерьез, – сказал Славик. – Пойдем растолкую. Хватит-хватит, если там средь бела дня черт знает что разгуливает, ночью можно конкретно нарваться...

Взгляд упал на упавшую с валуна клетку с морскими свинками, валявшуюся около серого камня. Никаких признаков жизни, возни или писка. Славик подошел, нагнулся, рассмотрел, попятился назад, к Двери.

Мастер и Маргарита были мертвы. Нет, хуже.

Прутья клетки не повреждены, дверца закрыта. Добродушные безобидные зверьки словно разорваны изнутри, вывернуты наизнанку – на поилке и пластиковом домике клочки рыжей и песочной шерсти, внутренности лежат на подстилке, голова Мастера в углу клетки, глаза-бусинки лопнули и вытекли.

– Эй, с тобой все нормально? – Серега потянул за рукав тельника.

– Н-нормально... Давай домой. Быстро! И не спорь!

Славик закрыл Дверь, отнес ключ в гостиную и положил его в книжный шкаф, на полку с томами энциклопедии Брокгауза. Пускай остается здесь, так надежнее.

Теперь придется объясняться с Серегой. Подробно и вдумчиво.

...Но сначала обязательно проверить состояние бородатого. Если он умрет, то как вывозить труп из квартиры? В багажнике такси? Методом сицилийской мафии из рекламы сотовой сети «Теле-2»?

«Зачем такие сложности? – с неожиданным хладнокровием подумал Славик. – Просто верни его обратно. Туда».

* * *

– Подведем итоги, – Серега затушил в пепельнице сигарету и потянулся за новой. – Госпожа Кейлин оставляет тебе неслыханную кучу денег и квартиру, в которой находится «дыра», ведущая неизвестно куда, правильно? На той, как ты выражаешься, стороне, обитают страшные кусачие монстры, оказывающие на человека ментальное воздействие...

– Мне так показалось, – буркнул Славик. – От дикобраза отчетливо несло какой-то гадостью.

– Воняло?

– И воняло тоже. Я про другое. Не уверен, но кажется, это было подобие направленного гипноза, зверь пытался парализовать нас обоих, меня и того хмыря с ножами. Возможно, зверь появился из «тени», накрывшей лес. Только не спрашивай про «тень», не знаю я что это такое! Природное явление, последствия техногенной аварии на тамошней атомной станции? Без понятия! Однако сдается мне, там никаких АЭС нет и быть не может. Знаешь почему? Пройдись по лесу в Карелии, обязательно найдешь пластиковую бутылку, старую проволоку, бумажку – следы присутствия человека! Я внимательно смотрел под ноги – ничего, обычный и естественный лесной мусор! Создается впечатление, будто людей на той стороне нет и никогда не было. За исключением меня и...

Славик кивнул в сторону приоткрытой двери спальни.

– Кто он такой, по-твоему?

– Спроси чего полегче! Одет странно, по-русски вроде не говорит – я от него только два слова слышал. Язык незнакомый. Кстати, парень один из ножей выронил в коридоре, посмотри.

Прямой клинок был длиной сантиметров двадцать пять, рукоять деревянная, перевязанная кожаным ремешком. На лезвии выцарапаны значки, смахивающие на руны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.